

Странное путешествие мистера Долдри

Автор:

Марк Леви

Странное путешествие мистера Долдри

Марк Леви

У Алисы, талантливого лондонского парфюмера, крайне неприятный сосед – художник Итан Долдри. Он хочет всеми правдами и неправдами заполучить ее квартиру: в ней очень удачное освещение, идеальное для мастерской живописца. Однажды Долдри узнает о том, что ярмарочная гадалка напорошила Алисе встречу с мужчиной всей ее жизни. Это должно случиться в Турции, там же Алисе суждено проникнуть в тайну своего прошлого. И Долдри делает соседке неожиданное предложение: он готов оплатить ее путешествие в Стамбул и даже составить ей компанию. Алиса в недоумении: зачем соседу понадобилось помогать ей, может, он просто нашел хитроумный способ избавиться от нее раз и навсегда?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Марк Леви

Странное путешествие мистера Долдри

Marc Levy

L'etrange voyage de Monsieur Daldry

www.marclevy.info

© Marc Levy/Susanna Lea Associates, 2011

© Дизайн обложки, Slim Aarons / Hulton Archive / Getty Images, Joel Rogers / Corbis, Nasa / Science Faction / Getty Images

© Фото автора на обложке, Denis Lecuyer & Marc Hansel

© Чуракова О., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Иностранка

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок пять языков и расходятся многомиллионными тиражами.

За право экранизации первого его романа, супербестселлера «Между небом и землей», Стивен Спилберг заплатил два миллиона долларов.

Предвидеть что-либо очень трудно, особенно будущее.

Пьер Дак

Посвящается Полине, Луи, Жоржу

– Я не верила в судьбу, во всякие знаки, которые указывают, куда нам идти. Не верила болтовне гадалок, картам, предсказаниям. Я верила в простые совпадения и игру случая.

– Тогда зачем же ты отправилась в такое далекое путешествие? Зачем приехала сюда, если во все это не веришь?

– Из-за пианино.

– Из-за пианино?

– Оно было сильно расстроено, как старый разбитый инструмент из офицерской столовой. Но в нем было что-то особенное, а может, особенным был тот, кто на нем играл.

– А кто на нем играл?

– Мой сосед по площадке. В общем, точно не знаю.

– Так ты здесь потому, что твой сосед играл на пианино?

– В каком-то смысле. Слыша эти звуки, раздававшиеся на лестнице, я особенно остро чувствовала свое одиночество и, чтобы сбежать от него, согласилась провести выходной в Брайтоне.

– Расскажи-ка мне все с самого начала, по порядку, иначе я так ничего и не пойму.

– Это длинная история.

– Торопиться некуда. Ветер дует с моря, собирается дождь, – сообщил Рафаэль, подойдя к окну. – В море теперь не выйдем дня два-три, а то и больше. Сейчас

приготовлю чай, и ты расскажешь свою историю. Только обещай, что не упустишь ни одной мелочи. Если тайна, которой ты со мной поделилась, правда, если теперь мы связаны навсегда, я должен все знать.

Рафаэль опустился на колени у печки, открыл дверцу и подул на угли.

Дом Рафаэля был так же скромен, как и его жизнь. Четыре стены, одна комната, ветхая кровля, истертый пол, кровать, старый умывальник. И единственное окно, зато выходившее на Босфор; со своего места за столом Алиса видела большие суда, входящие в пролив, а за ними – берега Европы.

Рафаэль принес чай, Алиса сделала глоток и начала свой рассказ.

1

Лондон, пятница 22 декабря 1950 года

Дождь барабанил по стеклянной крыше над кроватью. Тяжелый зимний дождь. Сколько еще их должно пролиться, чтобы смыть всю копоть войны? Только пять лет назад наступил мир, и большинство кварталов еще хранили следы бомбардировок. Жизнь продолжалась, продовольствия не хватало – не так остро, как в прошлом году, но все же достаточно ощутимо, чтобы помнить о тех днях, когда все наедались вволю, а мясо было не только в консервах.

В тот вечер Алиса сидела дома с компанией друзей. К ней в гости пришли Сэм, продавец книг в магазине «Харрингтон и сыновья» и отличный контрабасист, Антон, столяр и непревзойденный трубач, Кэрл, недавно демобилизованная медсестра, теперь работавшая в больнице в Челси, и Эдди, который кое-как перебивался песнями на лестнице вокзала Виктория и иногда в пабах, когда его туда пускали.

Эдди и предложил на следующее утро отправиться в Брайтон – отпраздновать Рождество. На огромном пирсе снова открылись аттракционы, и в субботу ожидалась грандиозная ярмарка.

Друзья пошарили в карманах, подсчитывая наличность. Эдди немного подзаработал в баре на Ноттинг-хилл, Антон получил от начальника небольшую новогоднюю премию, Кэрол была на мели. Впрочем, деньги у нее никогда не водились, и приятелям всюду приходилось за нее платить. Сэм продал одной американке первое издание «По морю прочь» и второе издание «Миссис Дэллоуэй»[1 - «По морю прочь», «Миссис Дэллоуэй» – романы Вирджинии Вулф. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, – прим. перев.)], заработав за день недельное жалование. Что до Алисы, у нее кое-что было отложено, и она имела право себя побаловать, потому что весь год вкалывала как проклятая. А ради того, чтобы провести субботу в компании друзей, годился любой предлог.

Вино, которое принес Антон, отдавало пробкой и уксусом, но друзья выпили его довольно много и принялись петь хором, с каждой песней все громче и громче, пока в дверь не постучал Алисин сосед по площадке мистер Долдри.

Сэм, единственный, у кого хватило храбрости пойти открыть, пообещал, что они немедленно прекратят шуметь, тем более что уже пора было расходиться. Мистер Долдри извинения принял, не преминув, однако, заметить несколько свысока, что он собирается спать и был бы рад, если бы соседи перестали ему мешать. Викторианский дом, в котором они живут, вовсе не годится для того, чтобы устраивать здесь джаз-клуб, ему и без того неприятно слышать за стеной их громкие разговоры. После чего вернулся к себе, в квартиру напротив.

Алисины друзья надели пальто, шарфы и шапки и договорились встретиться завтра в десять утра на вокзале Виктория возле поезда на Брайтон.

Оставшись в одиночестве, Алиса немного прибралась в большой комнате, которая в зависимости от времени суток служила то мастерской, то столовой, то гостиной, то спальней.

Она уже раскладывала на ночь диван, но вдруг выпрямилась и взглянула на входную дверь. Как у соседа хватило нахальства явиться к ней и испортить такой чудесный вечер? По какому праву он к ней вломился?

Алиса сняла с вешалки шаль, глянула в зеркало в прихожей, повесила шаль на место, потому что она ее старила, и решительно направилась к двери мистера Долдри. Встала подбоченясь и стала ждать, пока ей откроют.

– Лучше скажите, что в доме пожар и вы врываетесь только затем, чтобы меня спасти, – недовольно пробормотал хозяин.

– Во-первых, сейчас только одиннадцать, а завтра выходной. А во-вторых, я тоже постоянно терплю ваши гаммы, так что можно и мне слегка пошуметь, когда у меня гости!

– Ваши шумные гости собираются каждую пятницу и имеют досадную привычку каждый раз напиваться сверх меры, что отнюдь не способствует моему сну. И к вашему сведению, пианино у меня нет, а гаммы, на которые вы жалуетесь, играет кто-то из соседей, возможно пожилая леди снизу. Я художник, мисс, а не музыкант; от живописи, знаете ли, нет никакого шума. До чего же тихо было в этом старом доме, когда я жил здесь один!

– Вы пишете картины? А что именно, мистер Долдри? – спросила Алиса.

– Городские пейзажи.

– Надо же, и в голову не приходило, что вы художник, я думала, вы...

– И что же вы думали, мисс Пендлбери?

– Меня зовут Алиса, я думала, вы знаете мое имя, раз слышите все мои разговоры.

– Я не виноват, что стены, которые нас разделяют, недостаточно толстые. А теперь, когда мы официально представились друг другу, могу я снова лечь спать или вы предпочитаете продолжать беседу на лестнице?

Алиса молча разглядывала соседа.

– У вас что-то в жизни не ладится, так ведь? – спросила она.

– Не понял...

– Зачем вы напускаете на себя эту холодность и враждебность? Мы же соседи и должны ладить друг с другом, ну хотя бы делать вид.

– Я жил здесь задолго до вас, мисс Пендлбери, но с тех пор, как вы поселились в этой квартире, которую я надеялся занять, моя спокойная жизнь кончилась, от нее остались одни воспоминания. Сколько раз вы приходили ко мне занять соли, муки или маргарина, когда готовили для своих очаровательных друзей? Или за свечкой, когда электричества не было? Вы хоть раз задумались о том, что ваши вторжения нарушают мое уединение?

– Вы хотели занять мою квартиру?

– Я хотел устроить там мастерскую. У вас одной в этом доме стеклянная крыша. Увы, ваше обаяние больше подействовало на хозяйку, и мне приходится довольствоваться тусклым светом своих скромных окон.

– Да я хозяйку в глаза не видела, а квартиру сняла через агентство.

– Может, закончим на этом?

– Так вы поэтому так холодны со мной? Потому что я заняла вашу мастерскую?

– Мисс Пендлбери, если сейчас что и холодно, так это мои ноги. Мерзнут, бедняги, на сквозняке, пока мы тут с вами мило беседуем. Если вы не против, я удалюсь, а то как бы не простудиться. Желаю приятной ночи. Моя-то по вашей милости теперь будет короче.

Мистер Долдри осторожно закрыл дверь перед носом Алисы.

– До чего ж странный тип! – проворчала она, возвращаясь к себе.

– Я все слышал, – прокричал в ответ мистер Долдри из гостиной. – До свидания, мисс Пендлбери.

Дома Алиса умылась и легла под одеяло, свернувшись калачиком. Долдри прав, зима выстудила викторианский дом, и слабое отопление не могло заставить столбик термометра ползти вверх. Она взяла книгу с табуретки, служившей ей тумбочкой, прочла несколько строк и положила на место. Потом погасила свет и дождалась, пока глаза привыкнут к темноте. По стеклянной крыше струился дождь. Алиса зябко поежилась и стала думать о влажной земле в лесу и осенних

листьях, гниющих в дубовой роще. Она глубоко вдохнула и ощутила теплый запах перегноя.

У Алисы был особенный дар. Очень острое обоняние позволяло ей различать и навсегда запоминать легчайшие запахи. Целый день она проводила за столом в своей мастерской, соединяя молекулы, чтобы однажды какая-то комбинация могла превратиться в духи. Профессия Алисы называлась «нос». Она работала в одиночку и раз в месяц обходила лондонских производителей, предлагая им свои формулы. Прошлой весной ей удалось убедить одного из них запустить в производство одно из ее творений. Алисин «Шиповник» понравился парфюмеру из Кенсингтона и имел некоторый успех у его богатой клиентуры, за что ей причитался небольшой ежемесячный процент. Эта скромная сумма позволяла ей жить чуть лучше, чем в предыдущие годы.

Алиса снова зажгла лампу и села за рабочий стол. Взяла три пробника из пористой бумаги, окунула их в три флакона и до поздней ночи записывала в тетрадь полученный результат.

Алису разбудил звонок будильника, и она швырнула в него подушкой. В лицо светило солнце, затененное легкой утренней дымкой.

– Дурацкая крыша! – проворчала Алиса.

Тут она вспомнила про встречу на вокзале, и лень как рукой сняло.

Она вскочила, похватила из шкафа первое, что попало под руку из одежды, и бросилась в душ.

На улице Алиса глянула на часы. Автобусом на вокзал ни за что не успеть. Она подозвала такси и, усевшись в машину, стала умолять водителя ехать самым коротким путем. Когда она прибыла на станцию за пять минут до отправления поезда, у касс стояли длинные очереди. Алиса глянула на перрон и бросилась туда.

Антон ждал ее у первого вагона.

– Ну где тебя носит? Заходи скорей! – сказал он, помогая ей влезть на подножку.

Алиса прошла в купе, где расположились ее друзья.

– Как думаете, контролеры будут? – спросила она, усаживаясь и отдуваясь.

– Я бы дал тебе свой билет, если б купил, – сказал Эдди.

– Я бы сказала, один шанс из двух, – заметила Кэрол.

– В субботу утром? Скорее один из трех... Посмотрим, когда доедем, – заключил Сэм.

Алиса прислонилась головой к окну и закрыла глаза. От столицы до побережья был час езды. Она проспала всю дорогу. На брайтонском вокзале на выходе из вагона билеты проверял контролер. Алиса остановилась перед ним и притворилась, что ищет в карманах. Эдди последовал ее примеру. Антон улыбнулся и вручил каждому по билету.

– Они были у меня, – сказал он контролеру.

Потом обнял Алису за талию и повел в зал.

– Не спрашивай, как я догадался, что ты опоздаешь. Ты всегда опаздываешь! Про Эдди сама знаешь, он по натуре безбилетник, а мне не хотелось, чтобы день был испорчен с самого утра.

Алиса достала из кармана два шиллинга и протянула Антону, но тот нежно закрыл ее ладонь.

– Пошли, – сказал он. – Время пролетит – не заметишь. Хочу все успеть.

Алиса смотрела, как он вприпрыжку припустил вперед. Она улыбнулась: на мгновение ей показалось, будто перед ней тот самый подросток, с которым она была знакома с юных лет.

– Ну ты идешь? – обернулся он.

По Куинз-роуд и Уэст-стрит они вышли на проспект, тянувшийся вдоль моря. Там собралось уже много гуляющих. Два огромных пирса далеко выдавались в море. Возвышающиеся на них деревянные постройки делали их похожими на огромные корабли.

На Дворцовом пирсе расположились ярмарочные балаганы. Друзья пешком дошли до больших часов у входа. Антон купил билет Эдди и сделал знак Алисе, что возьмет и ей.

– Не надо везде за меня платить! – шепнула она ему на ухо.

– Почему нет, если мне это нравится?

– Да с какой стати...

– А доставить мне удовольствие – этого тебе мало?

– Который час? – спросил Эдди. – Есть охота.

Неподалеку, рядом с большим зданием зимнего сада, продавали фиш-энд-чипс. Оттуда долетали запахи горячего масла и уксуса. Эдди погладил брюхо и потащил Сэма к палатке. Недовольно поморщившись, Алиса присоединилась к остальным. Все сделали заказ, Алиса заплатила продавцу и с улыбкой протянула Эдди тарелку с жареной рыбой.

Друзья позавтракали, облокотившись на балюстраду. Антон молча смотрел на волны, скользившие между сваями пирса. Эдди и Сэм болтали о мировых проблемах. Эдди обожал критиковать правительство. Он ругал премьера за то, что тот совершенно не думал или думал недостаточно о самых обездоленных слоях населения, за то, что не сумел организовать масштабные работы, дабы ускорить восстановление города. В конце концов, достаточно просто нанять безработных и голодающих. Сэм толковал ему про экономику, доказывал, что найти квалифицированную рабочую силу трудно, а когда Эдди зевал, обзывал его бездельником-анархистом, на что приятель и не думал обижаться. Они воевали в одном полку, и, несмотря ни на какие разногласия, их дружба была

нерушима.

Алиса стояла в сторонке, подальше от запаха масла, который казался ей слишком резким. К ней подошла Кэрол, и с минуту обе молчали, устремив взгляд на морской простор.

– Ты поосторожней с Антоном, – проговорила Кэрол.

– А что, он заболел? – спросила Алиса.

– Любовью к тебе! Тут не надо быть медсестрой, и так видно. А тебе бы зайти как-нибудь ко мне в больницу: зрение нужно проверить, а то ты совсем слепая, дальше своего носа не видишь.

– Не болтай ерунду, мы с ним еще подростками познакомились. Мы просто старые друзья, не больше.

– Я просто прошу: будь с ним поосторожней. Если он тебе нравится, нечего водить его за нос. Мы все будем рады, если вы сойдетесь. Вы отличная пара. А нет, так не притворяйся, он только страдает зря.

Алиса повернулась к парням спиной, а к Кэрол лицом.

– В чем я притворяюсь?

– Да хотя бы в том, будто не видишь, что я к нему неровно дышу, – отрезала Кэрол.

Две чайки набросились на остатки рыбы с картошкой, которые Кэрол кинула в море. Она выбросила бумажную тарелку в урну и подошла к парням.

– Будешь ждать прилива или пойдешь с нами? – спросил Сэм Алису. – Мы по аттракционам хотим пройтись. Я тут видел одну такую штуку: дубинкой стукнешь как следует – сигару получишь, – прибавил он, засучивая рукава.

Каждая попытка стоила четверть пенни. Пружина, по которой нужно было стукнуть изо всех сил, подбрасывала вверх чугунную голову, и если она ударяла

в колокол, подвешенный на высоте семь футов, то возвращалась с сигарой в зубах. Далеко не лучшего качества, но Сэм считал, что курить сигару чертовски приятно. Он сделал восемь попыток, потратив два пенни – примерно вдвое больше того, что стоила такая же дрянная сигара в табачном киоске неподалеку.

– Дай монету и отойди, – сказал Эдди.

Сэм протянул ему четверть пенни и уступил место. Эдди поднял дубинку так легко, словно это был простой молоток, и так же легко ударил в пружину. Чугунная голова подскочила и стукнула в колокол. Хозяин автомата вручил ему выигрыш.

– Это мне, – объявил Эдди, – дай еще монетку, попробую тебе выиграть.

Через минуту приятели закурили по сигаре, Эдди был счастлив, а Сэм подсчитывал убытки. За такую цену он мог бы купить пачку сигарет. Вместо двадцати «Эмбесси» одна паршивая сигара, вот и думай.

Ребята увидели автодром, переглянулись и тут же расселись по машинам. Каждый крутил руль и жал на педаль, стараясь посильнее стукнуть другого под удрученные взгляды подруг. Под конец все отправились в тир. Антон стрелял гораздо лучше других. Послав пять пуль в «яблочко», он выиграл фарфоровый заварной чайник и подарил его Алисе.

Кэрол стояла поодаль и смотрела на карусель: деревянные лошадки крутились под сияющими гирляндами. Подошел Антон и взял ее за руку.

– Забава для малышни, знаю, – вздохнула Кэрол, – но не поверишь, я никогда на такой не каталась...

– Ты в детстве ни разу не каталась на карусели? – удивленно спросил Антон.

– Я в деревне росла, у нас ярмарок не было. А когда приехала в Лондон на медсестру учиться, то выросла уже, потом война началась и...

– И сейчас ты бы хотела прокатиться. Пошли! – Антон потащил Кэрол к палатке, где продавали билеты. – Оплачу твой первый заезд. Седлай эту, – сказал он, указывая на лошадь с золотой гривой, – остальные чересчур норовистые, в первый раз лучше не рисковать.

– А ты не пойдешь? – спросила Кэрол.

– Нет уж, спасибо. У меня при одном их виде голова кружится. Но ради тебя постараюсь, буду смотреть во все глаза.

Тренькнул звонок, Антон спрыгнул с помоста. Карусель завертелась. Подошли Сэм, Алиса и Эдди. Они смотрели на Кэрол, единственную взрослую среди малышей, которые смеялись и показывали на нее пальцами. Когда карусель делала второй круг, друзья увидели, что Кэрол плачет, кое-как утирая слезы ладонью.

– Очень умно! – Алиса толкнула плечом Антона.

– Я как лучше хотел. Не знаю, что с ней, она же сама хотела...

– С тобой прокатиться, дурак, а не выставлять себя на посмешище.

– Антон же сказал: он хотел как лучше! – заступился Сэм.

– Были бы вы джентльменами – составили бы ей компанию, а не торчали тут.

Пока они совещались, Эдди вспрыгнул на карусель и зашагал мимо лошадок, раздавая легкие подзатыльники тем малышам, которые, по его мнению, слишком громко смеялись. Карусель все неслась по кругу. Эдди наконец дошел до Кэрол.

– Кажется, вам нужен конюх, мисс? – заявил он, кладя руку на деревянную гриву.

– Эдди, умоляю, помоги слезть.

Но Эдди оседлал круп лошади, крепко обнял Кэрол и склонился к ее уху.

– Покажем этим карапузам! Повеселимся на полную катушку, а они пусть засохнут от зависти. Встряхнись, старушка, вспомни: пока я тут в пабах не просыхал, ты под обстрелами носилки таскала. И когда вернемся к нашим придуркам-друзьям, хочу, чтобы ты вздохнула хохотала, ясно?

– Думаешь, у меня получится, Эдди? – всхлипнула Кэрол.

– Если думаешь, что ты смешная на этой кляче среди мелюзги, представь, как смотрюсь я с сигарой и в кепке.

И на следующем круге Эдди и Кэрол уже хохотали до колик.

Карусель замедлила ход и остановилась.

Чтобы загладить свою вину, Антон угостил всех пивом в буфете. В громкоговорителях слышался скрип, и по пирсу разнеслись звуки бешеного фокстрота. Алиса глянула на афишу на столбе: здесь, на пирсе, в бывшем театре, после войны переделанном в кафе, давали музыкальную комедию в сопровождении оркестра Гарри Грумбриджа.

– Сходим? – предложила Алиса.

– Почему бы и нет? – подхватил Эдди.

– Опоздаем на последний поезд, а мне в такую погоду на пляже ночевать неохота, – заметил Сэм.

– Ничего подобного! – запротестовала Кэрол. – После спектакля еще полчаса останется, чтобы дойти пешком до вокзала. Правда, холодно становится. Я бы потанцевала, чтобы согреться. И вообще, скоро Рождество, будет что вспомнить.

Ребята не нашли предложить ничего лучше. Сэм быстренько подсчитал: вход стоил два пенни, и если они не пойдут, то всем наверняка захочется завернуть поужинать в какой-нибудь паб, дешевле сходить на спектакль.

Зал был полон. Зрители толкались у сцены, многие танцевали. Антон, пригласив Алису, толкнул Эдди в объятия Кэрол, а Сэм ухмыльнулся, глядя на парочки, и ушел с площадки.

Как и предчувствовал Антон, день пролетел слишком быстро. Когда актеры вышли на поклон, Кэрол махнула друзьям: пора было возвращаться. Они вместе стали проталкиваться к выходу.

Фонарики раскачивались на ветру, и в эту зимнюю ночь огромный пирс напоминал причудливый пароход, освещавший огнями море, по которому ему никогда не поплыть.

Друзья шли к выходу, и вдруг Алисе широко улыбнулась гадалка, сидевшая в своем фургончике.

– Никогда не хотела узнать, что ждет тебя впереди? – спросил Антон.

– Не-а, ни разу. Я не верю, что будущее заранее predetermined, – ответила Алиса.

– В начале войны гадалка предсказала моему брату, что он выживет, если переедет, – сказала Кэрол. – Когда он уезжал к себе в часть, то давно уж об этом забыл. А через две недели дом разбомбили немцы. Все соседи погибли.

– Тоже мне предсказание! – фыркнула Алиса.

– Никто не знал, что Лондон будут бомбить, – возразила Кэрол.

– Хочешь узнать, что скажет оракул? – улыбнулся Антон.

– Не болтай чепухи, нам пора на вокзал.

– У нас еще сорок пять минут, спектакль раньше закончился. Время есть. Давай, я заплачу!

– У меня никакого желания слушать болтовню этой старухи.

– Отстань от Алисы, – вмешался Сэм. – Не видишь, она боится?

– Слушайте, как же вы мне надоели, все трое! Ничего я не боюсь. Я не верю гадалкам и стеклянным шарам тоже. Вам-то зачем мое будущее?

– Возможно, один из этих джентльменов тайно желает знать, сумеет ли он когда-нибудь затащить тебя в свою постель, – тихо проговорила Кэрол.

Антон и Эдди ошеломленно воззрились на нее. Кэрол покраснела и, пытаясь сгладить неловкость, лукаво улыбнулась.

– Ты могла бы спросить ее, успеем ли мы на поезд – это предсказание хотя бы полезное, – продолжал Сэм. – И потом, мы сможем его быстро проверить.

– Можете смеяться сколько влезет, а я в это верю, – сказал Антон. – Если пойдешь, я следующий.

Друзья окружили Алису и с интересом уставились на нее.

– Послушайте, но это же просто глупость, – досадливо проворчала она, расчищая себе путь.

– Трусиха! – крикнул ей вслед Сэм.

Алиса резко обернулась.

– Ну что же, если вокруг одни дети малые, которые не желают взрослеть, но хотят опоздать на поезд, пойду послушаю рассказы этой хиромантки, а потом – домой. Идет? – спросила она и протянула руку к Антону. – Ну что, дашь два пенни?

Антон порылся в кармане, сунул Алисе две монетки, и она направилась к гадалке.

Алиса шла к фургону, ясновидящая ей по-прежнему улыбалась. Морской ветер задул сильнее, обжигая щеки. Девушка наклонила голову, словно кто-то ей вдруг запретил смотреть в глаза пожилой женщине. Сэм, наверное, прав:

предстоящее гадание взволновало ее сильнее, чем она думала.

Гадалка усадила Алису на табурет. У нее были огромные глаза, бездонный взгляд и не сходящая с губ завораживающая улыбка. На столе не было ни стеклянного шара, ни карт Таро. Гадалка протянула к Алисе усеянные коричневыми пятнышками руки и дотронулась до ее пальцев. От этого прикосновения девушку вдруг охватило странное приятное чувство, ей стало хорошо, как давно уже не было.

– Я уже видела твое лицо, моя девочка, – прошелестела гадалка.

– Ну да, вы же давно на меня смотрите!

– Ты не веришь в мои способности, не так ли?

– По натуре я рационалист, – отвечала Алиса.

– Неправда, ты натура творческая, женщина самостоятельная и волевая, хотя иногда страх тебя останавливает.

– Почему мне весь вечер твердят, что я чего-то боюсь?

– У тебя был растерянный вид, когда ты подошла ко мне.

Гадалка еще пристальней уставилась на Алису. Теперь ее лицо было совсем близко.

– Где я уже видела эти глаза?

– В другой жизни, наверное, – иронично заметила Алиса.

Взволнованная гадалка резко выпрямилась.

– Амбра, ваниль и кожа, – прошептала Алиса.

– О чем ты говоришь?

– О ваших духах и вашем увлечении Востоком. Я тоже кое-что подмечаю, – заявила девушка с вызовом.

– У тебя действительно есть дар, но что гораздо важнее, у тебя есть история, о которой ты ничего не знаешь, – произнесла старуха.

– Вы все время улыбаетесь. Это для того, чтобы расположить к себе своих жертв? – насмешливо осведомилась Алиса.

– Я знаю, почему ты пришла ко мне, – сказала гадалка. – Если подумать, это забавно.

– Вы слышали, как меня дразнили друзья?

– Ты не из тех, кого можно легко дразнить, и твои друзья тут ни при чем.

– Тогда почему?

– Все дело в одиночестве, которое не отпускает тебя и не дает спать по ночам.

– Не вижу тут ничего забавного. Лучше поскорее удивите меня чем-нибудь: не то чтобы ваше общество было мне неприятно, но нам действительно нужно успеть на поезд.

– Нет, пожалуй, это скорее грустно, зато забавно нечто другое...

Она оторвала взгляд от Алисы и стала смотреть куда-то вдаль. Алисе вдруг почудилось, будто ее бросили.

– Так вы скажете что-нибудь?

– Что действительно забавно, – продолжала гадалка, придя в себя, – так это то, что мужчина, который станет для тебя дороже всего на свете, тот, кого ты ищешь, сама не зная, существует ли он, – этот мужчина совсем недавно прошел у тебя за спиной.

Лицо Алисы застыло, она не смогла удержаться и обернулась. Покрутилась на табуретке и увидела лишь четверых друзей, которые махали ей, что пора уходить.

– Это один из них? – пробормотала Алиса. – Этот загадочный мужчина – Антон, Эдди или Сэм? В этом ваша великая тайна?

– Слушай, что я тебе говорю, Алиса, а не то, что ты желаешь услышать. Я поведала тебе, что главный мужчина твоей жизни только что прошел мимо. Сейчас его здесь нет.

– И где же теперь этот прекрасный принц?

– Терпение, моя девочка. Тебе предстоит встретить шесть человек, прежде чем ты доберешься до него.

– Надо же, всего шесть человек, и только?

– Тебя ждет чудесное путешествие... Однажды ты все поймешь, но сейчас поздно, а я открыла все, что тебе нужно знать. А поскольку ты не веришь моим словам, то за предсказание я ничего не возьму.

– Нет, я хочу заплатить.

– Не будь глупышкой, считай, что ты побывала у меня в гостях. Рада была тебя повидать, Алиса, это стало для меня неожиданностью. Ты особенная, по крайней мере история твоя необычна.

– Да что за история?

– У нас уже нет времени, да ты и не поверишь. Иди, а то друзья будут злиться, что из-за тебя опоздали на поезд. Поторопитесь и будьте осторожны: не ровен час что случится. Не смотри так, это уже не гадание, просто предостережение.

Гадалка велела Алисе уходить. Алиса еще раз взглянула на нее, они улыбнулись друг другу на прощание, и девушка вернулась к друзьям.

– Ну и видок у тебя! Что она тебе наговорила? – спросил Антон.

– Потом! Знаете, который час?

И, не дожидаясь ответа, Алиса устремилась к выходу с пирса.

– Она права, – подхватил Сэм, – нам и правда пора поторопиться, до поезда меньше двадцати минут.

Они бросились бежать. К ветру, дувшему с пляжа, прибавился мелкий дождь. Эдди взял Кэрол за руку.

– Осторожно, на улице скользко, – сказал он, увлекая ее за собой.

Они промчались по набережной и выскочили на пустынную улицу. Газовые фонари тускло освещали дорогу. Вдалеке светились огни брайтонского вокзала, до поезда оставалось меньше десяти минут. Когда Эдди перебежал улицу, неизвестно откуда неожиданно вылетела конная двуколка.

– Осторожно! – крикнул Антон.

Алиса, проявив удивительное присутствие духа, мигом ухватила Эдди за рукав. Экипаж едва не сбил их, и они слышали храп лошади, которую кучер тщетно пытался сдержать.

– Ты мне жизнь спасла! – заикаясь, пробормотал потрясенный Эдди.

– Потом поблаговаришь, – ответила Алиса. – Помчались!

Вбежав на перрон, они наперебой стали кричать, привлекая внимание начальника станции. Тот задержал сигнал к отправлению и велел друзьям прыгать в первый попавшийся вагон. Молодые люди посадили девушек, и Антон еще не успел подняться с подножки, когда состав тронулся. Эдди ухватил Антона за плечо, втащил внутрь и закрыл дверь.

– Еще секунда – и мы бы опоздали, – проговорила Кэрол. – Эдди, ты меня жутко напугал, чуть не попал под этот тарантас.

– По-моему, Алиса испугалась больше тебя. Смотрите, она бледная как покойник, – сказал Эдди.

Алиса молчала. Она села и стала смотреть в окно на удалявшийся город. Уйдя в себя, она думала о гадалке, о том, что она говорила, а вспомнив ее предостережение, побледнела еще сильнее.

– Ну расскажи, что она тебе сказала, – заговорил Антон. – Все-таки по твоей милости нам чуть не пришлось на улице ночевать.

– Нечего было подначивать, это все из-за вашей глупости! – сердито возразила Алиса.

– Ты там так долго сидела. Услышала хоть что-нибудь интересное? – спросила Кэрол.

– Ничего такого, чего я не знала раньше. Я вам говорила, ясновидящие – ловушка для простаков. Достаточно обладать здравым смыслом, наблюдательностью и хоть какой-то интуицией – и можно внушить что угодно кому угодно.

– Но ты так и не ответила, что эта женщина тебе предсказала? – не унимался Сэм.

– Давайте сменим тему, – вмешался Антон. – Мы отлично провели день, едем домой, и нечего придирааться друг к другу. Прости, Алиса, зря мы к тебе пристали, ты не хотела туда идти, а мы все вели себя как...

– ...идиоты, и я в первую очередь, – договорила Алиса, глядя на Антона. – Сейчас мне гораздо больше интересно другое. Где будете справлять Рождество?

Кэрол уезжала в Сент-Моус к родным. Антон шел на рождественский ужин к родителям. Эдди обещал сестре провести вечер у нее; маленькие племянники ждали Санта-Клауса, и зять попросил его сыграть эту роль. Даже костюм напрокат взял. Увильнуть не получится, тем более что зять часто его выручал, ни слова не говоря своей жене. Ну а Сэм шел на праздник, устроенный его шефом в пользу детей-сирот Вестминстера: ему поручили раздать подарки.

– А ты, Алиса? – спросил Антон.

– Я... а меня пригласили на вечеринку.

– Куда? – не отставал Антон.

Кэрол пнула его по ноге. Потом достала из сумки печенье и объявила, что умирает с голоду. Она протянула каждому по «Кит-Кату» и метнула гневный взгляд на Антона, с досадой потиравшего голень.

Поезд прибыл на вокзал Виктория. Перрон заволокло едким паровозным дымом. На улице у подножия высоких лестниц пахло не лучше. По кварталу полз густой туман, угольная пыль, целыми днями вылетающая из дымовых труб, клубилась вокруг фонарей, их вольфрамовые лампы сквозь дымку отбрасывали унылый оранжевый свет.

Пятеро друзей ждали трамвая. Алисе и Кэрол ехать было ближе всех, они жили в трех улицах друг от друга.

– Знаешь, если передумаешь идти на свою вечеринку, приезжай на Рождество в Сент-Моус, – предложила Кэрол, прощаясь с Алисой у ее дома. – Мама мечтает с тобой познакомиться. Я ей часто про тебя писала, ее страшно интересует твоя профессия.

– Честно говоря, не умею я о своей профессии рассказывать, – призналась Алиса и поблагодарила подругу.

Потом поцеловала ее и вошла в подъезд. Наверху слышались шаги соседа, возвращавшегося домой. Алиса задержалась, чтобы не встретиться с ним. Не было настроения разговаривать.

В квартире стоял такой же холод, как на улицах Лондона. Алиса не стала снимать пальто и перчатки. Налила в чайник воды, поставила на огонь, взяла с деревянной этажерки баночку с чаем, но там оказалось лишь три забытые чайники. Из маленького ящичка на столе в мастерской Алиса достала сушеные

лепестки роз, растерла немного и бросила в заварной чайник. Потом залила горячей водой, села на кровать и взяла вчерашнюю книгу.

Внезапно комната погрузилась во тьму. Алиса вскарабкалась на кровать и посмотрела в большое окно. Кругом сплошная темень. Электричество отключали часто, и это могло длиться до самого утра. Алиса принялась искать свечку, но, увидев у раковины маленькую горку коричневого воска, вспомнила, что истратила последнюю на прошлой неделе.

Девушка тщетно попыталась поджечь короткий фитиль, пламя дрогнуло, затрещало и погасло.

В этот вечер Алиса собиралась сделать записи, перенести на бумагу нотки соленой воды, дерева старых каруселей, ржавого от брызг парашета. В этот вечер, сидя в непроглядной темноте, Алиса не смогла бы уснуть. Она подошла к двери, помедлила и, вздохнув, покорно направилась к соседу просить помощи.

Дверь отворилась, на пороге показался Долдри со свечой в руке. На нем был синий халат, под которым виднелись пижамные брюки и свитер. Огонек свечи придавал его лицу странный оттенок.

– Я ждал вас, мисс Пендлбери.

– Ждали? – удивилась Алиса.

– С той минуты, как погас свет. Я, знаете ли, не сплю в халате. Вот, берите за чем пришли! – С этими словами он вынул из кармана свечу. – Вам же это нужно было?

– Мне очень неловко, мистер Долдри, я вам обязательно верну.

– Я в это уже не верю, мисс.

– Если хотите, зовите меня Алисой.

– Спокойной ночи, мисс Алиса.

Долдри закрыл дверь, Алиса вернулась к себе. Но минуту спустя кто-то постучал в дверь. Алиса открыла, перед ней стоял Долдри с коробком спичек:

– Вам же и это понадобится? От свечей гораздо больше толку, когда они горят. Не смотрите так, я не волшебник. В прошлый раз у вас тоже не было спичек, а поскольку я собираюсь лечь и заснуть, то решил подстраховаться заранее.

Алиса не решилась признаться соседу, что истратила последнюю спичку, когда грела воду на чай. Долдри зажег фитиль и остался весьма доволен, когда пламя начало топить воск.

– Я сказал вам что-то неприятное? – спросил Долдри.

– В смысле? – не поняла Алиса.

– Вы вдруг так помрачнели.

– Просто мы здесь в потемках, мистер Долдри.

– Если просите называть вас Алисой, то и вы зовите меня по имени – Итан.

– Замечательно, буду вас звать Итан! – улыбнулась Алиса.

– Что ни говорите, а вид у вас расстроенный.

– Просто устала.

– Тогда я вас покидаю. Спокойной ночи, мисс Алиса.

– Спокойной ночи, мистер Итан.

Воскресенье 24 декабря 1950 года

Алиса собралась за покупками. В округе все было закрыто, и она села на автобус до рынка Портобелло.

Остановившись у бакалейной лавки, она решила купить все, что нужно для настоящего праздничного стола. Выбрала три превосходных яйца, а к ним два ломтика бекона – гулять так гулять. Чуть дальше на лотке булочника была выставлена восхитительная выпечка. Алиса купила булку с цукатами и баночку меда.

Сегодня она поужинает в постели в компании с хорошей книгой. Вечер предстоит долгий, а наутро у нее снова будет прекрасное настроение. Алиса уже который день не высыпалась и от этого ходила хмурая. К тому же все последние недели она слишком долго просиживала за столом мастерской. В витрине цветочной лавки ее взгляд привлекли розы старинных сортов. Конечно, это не слишком благоразумно, но сегодня ведь Рождество. И потом, когда они завянут, лепестки пригодятся. Алиса вошла в магазин, заплатила два шиллинга и вышла счастливая. Она отправилась дальше и на этот раз остановилась у парфюмерного магазина. На дверях висела табличка «Закрето». Алиса подошла вплотную к витрине и среди флаконов узнала одно из своих творений. Она помахала ему как другу и зашагала к остановке.

Дома она разобрала покупки, поставила цветы в вазу и решила прогуляться в парке. Внизу на лестнице ей повстречался сосед, как видно тоже возвращавшийся с рынка.

– Рождество как-никак! – сказал он, оправдываясь за обилие продуктов в своей корзине.

– Да, Рождество, – отвечала Алиса, – ждете гостей?

– Боже упаси! У меня аллергия на празднества, – тихо проговорил он, понимая, как неприлично такое признание.

– И у вас тоже?

– Про Новый год даже не спрашивайте. На мой взгляд, он еще хуже Рождества! Как можно заранее решать, какой день будет праздником? Кто знает, будет у тебя с утра настроение или нет? Принуждать себя веселиться, по-моему, лицемерие.

– Вы забываете про детей...

– У меня их нет, а значит, и нет необходимости притворяться. Да еще зачем-то заставлять их верить в Санта-Клауса... Мне кажется, это гадко, что бы там ни говорили. Однажды ведь придется им все рассказать – ну и к чему это? Ведь если вдуматься, это даже жестоко. Самые отсталые неделями стоят у окна, поджидая краснолицего старика, а потом страдают от предательства, когда родители раскроют свой подлый обман. А тех, кто посозрелее, до последнего стараются держать в заблуждении, что совсем уж бесчеловечно. А к вам родные придут?

– Нет.

– Вот как?

– Просто у меня не осталось родных, мистер Долдри.

– Хороший предлог, чтобы не приглашать их в гости.

Алиса взглянула на соседа и рассмеялась. Щеки Долдри стали пунцовыми.

– Кажется, я ляпнул что-то несусветное...

– Но здравый смысл в этом есть.

– У меня-то семья есть. Ну то есть отец, мать, сестра, брат, жуткие племянники.

– И вы Рождество не с ними отмечаете?

– Нет, уже много лет. Я не понимаю их, а они меня.

– Тоже хороший предлог, чтобы остаться дома.

– Я очень старался, но каждое семейное собрание оборачивалось катастрофой. У нас с отцом абсолютно разные взгляды на все, он мое занятие считает нелепым, а я его – смертельно скучным, в общем, мы друг друга не выносим. Вы уже завтракали?

– При чем здесь мой завтрак, мистер Долдри?

– Совершенно ни при чем.

– Нет, я не завтракала.

– Тут на углу в пабе отличная овсянка. Если подождете, пока я разгружу корзинку – мужчине такая совсем не подходит, согласен, зато она очень удобная, – я вас свожу позавтракать.

– Я собиралась в Гайд-парк, – ответила Алиса.

– На пустой желудок в такой холод? Вот еще выдумали! Пойдем поедим, утащим немного хлеба со стола и пойдем кормить уток в парк. Утки уже тем хороши, что не обязательно в Санта-Клауса рядиться, чтоб их порадовать.

Алиса улыбнулась:

– Ладно, отнесите покупки, а я тут подожду. Поедим овсянки, а потом отпразднуем с утками Рождество.

– Чудесно, – отвечал мистер Долдри, взбираясь по лестнице. – Вернусь через минуту.

Чуть погодя Алисин сосед вышел на улицу, изо всех сил стараясь не показывать, что запыхался.

В пабе они выбрали столик у окна. Долдри заказал Алисе чай, а себе кофе. Официантка принесла две тарелки овсянки. Долдри потребовал корзиночку с хлебом и несколько ломтиков сразу спрятал в карман куртки, что очень

насмешило Алису.

– Какие пейзажи вы пишете?

– Я пишу вещи самые бесполезные. Некоторые в восторге от деревенских видов, кому-то подавай море, равнины или лесную чащу, а я пишу перекрестки.

– Перекрестки?

– Так точно, скрещение бульваров и улиц. Вы не представляете, как богата мелкими деталями жизнь перекрестка. Одни бегут, другие озираются. Здесь можно встретить все средства передвижения – двуколки, автомобили, мотоциклы, велосипеды. Пешеходы, продавцы пива с тележками, самые разные мужчины и женщины стоят рядом, мешают друг другу, молча проходят мимо или здороваются, толкаются, ругаются. Перекресток – целый театр!

– Чудной вы все-таки, мистер Долдри.

– Возможно, но согласитесь, что какое-нибудь маковое поле – это же тоска смертная. Что там может произойти? Разве что две пчелы столкнутся на бреющем полете. Вчера я работал на Трафальгарской площади. Там довольно трудно найти место с нужным ракурсом, чтобы тебя постоянно не толкали, но кое-какой опыт у меня имеется, и я нашел отличную площадку. Внезапно начался ливень, и какая-то женщина, должно быть чтобы уберечь от дождя свой нелепый начес, очертя голову бросилась бежать через дорогу. Повозка, запряженная двумя лошадьми, резко дернула в сторону, чтобы ее не сбить. Кучер оказался настоящим мастером, так что дамочка отделалась только сильным испугом, а вот бочонки, которыми была нагружена повозка, вывалились на дорогу, и встречный трамвай, как вы понимаете, никак не мог их объехать. Один бочонок от удара просто развалился. По мостовой разлились целые потоки «Гиннеса». Я видел, как двое пьяниц чуть было не упали на брюхо, чтобы припасть к источнику. Не буду рассказывать, как ругались кондуктор с кучером, как в их перепалку вмешались прохожие, как полиция пыталась навести порядок в этом бедламе, как воришка, воспользовавшись суматохой, мигом добыл дневную выручку и как главная виновница хаоса удирала со всех ног, сгорая со стыда за свою беспечность.

– И вы все это изобразили? – спросила пораженная Алиса.

– Нет, пока я написал только перекресток, впереди еще много работы. Но я все сохранил в памяти, это главное.

– Я ни разу, переходя улицу, не обращала внимания на такие подробности.

– А у меня всегда была страсть к деталям, к мелким, почти незаметным событиям, которые нас окружают. Наблюдая за людьми, можно узнать очень многое. Не оборачивайтесь, но за столиком позади вас сидит пожилая леди. Пойдите, давайте встанем и как ни в чем не бывало поменяемся местами.

Алиса послушалась и пересела на место мистера Долдри, а он занял ее стул.

– Теперь, когда она у вас в поле зрения, посмотрите внимательно и скажите, что вы видите.

– Немолодая дама, завтракает одна, довольно элегантно одета, в шляпке.

– Посмотрите внимательней. Что-нибудь еще заметили?

Алиса снова стала рассматривать пожилую женщину:

– Ничего особенного, вытирает рот салфеткой. Лучше сами скажите, чего я не заметила, а то она заметит, что я ее разглядываю.

– Она накрашена, ведь так? Совсем чуть-чуть – слегка припудрены щеки, подкрашены ресницы, немного помады.

– Да, действительно, теперь вижу.

– Теперь взгляните на ее губы. Они ведь двигаются, правда?

– Верно, – удивилась Алиса, – они едва заметно шевелятся. Наверное, это старческое?

– Ничего подобного! Эта женщина вдова, она разговаривает с покойным мужем. Она завтракает не одна и продолжает общаться с супругом, словно он сидит

напротив. Она представляет, будто он рядом. Не правда ли, трогательно? Представьте, как нужно любить, чтобы без конца представлять любимого рядом. Эта женщина права. Если кто-то покинул вас, это не значит, что он исчез навсегда. Немного душевной фантазии – и одиночества больше не существует. Потом, когда наступит время оплатить счет, она подвинет чашку с деньгами к другой стороне стола, ведь прежде всегда расплачивался ее муж. А когда будет уходить, увидите, она постоит пару секунд на тротуаре, прежде чем перейти дорогу, потому что муж, как и положено, всегда шел первым. Я уверен, что каждый вечер перед сном она желает ему спокойной ночи, а утром посылает привет туда, где он теперь обитает.

– И вы все это увидели за какие-то мгновения?

Пока Долдри улыбался Алисе, в ресторан, пошатываясь, вошел неряшливо одетый старик в изрядном подпитии, подошел к пожилой даме и сказал, что пора идти. Та расплатилась, встала и последовала за пьяницей-мужем, который, вероятно, вернулся со скачек.

Долдри, сидевший спиной, ничего этого не видел.

– Вы были правы, – сказала Алиса. – Ваша старая леди повела себя в точности так, как вы описали. Сдвинула деньги на край стола, встала, а когда выходила из ресторана, мне показалось, будто она поблагодарила невидимого спутника за то, что тот придержал дверь.

Долдри сидел с довольным видом. Он съел еще ложку овсянки, вытер рот и взглянул на Алису.

– Ну как овсянка? Отменная, правда?

– Вы верите в ясновидящих? – спросила Алиса.

– Что, простите?

– Вы верите в то, что можно предсказывать будущее?

– Сложный вопрос, – ответил Долдри, подзывая официантку, чтобы попросить добавки. – Это означало бы, что будущее прописано заранее. Как это было бы скучно, не находите? А как же свободная воля каждого? Я думаю, что ясновидящие всего лишь люди с очень развитой интуицией. Не будем говорить о шарлатанах и отдадим должное настоящим, каких, разумеется, немного. Есть ли у них дар видеть, к чему мы стремимся и что рано или поздно сделаем? Почему бы и нет, собственно? Возьмите моего отца. У него прекрасное зрение, но он совершенно слеп. Зато моя мать близорука как крот, но она видит столько вещей, о которых ее муж даже не догадывается. Еще когда я был совсем маленьким, она знала, что я стану художником, и часто говорила мне об этом. Заметьте, она считала, что мои картины будут висеть в величайших музеях мира. За пять лет я не продал ни одной работы, что поделать, художник из меня никудышный. Но я все говорю о себе и не отвечаю на ваш вопрос. Кстати, а почему вы об этом спросили?

– Потому что вчера со мной случилось кое-что странное. Мне казалось, что я не придаю значения таким пустякам. Однако, с тех пор как это произошло, я ни о чем другом и думать не могу, и мне как-то не по себе.

– Ну так объясните, что же вчера произошло, а я скажу, что об этом думаю.

Алиса наклонилась к соседу и рассказала о вечере в Брайтоне и особенно подробно – о встрече с гадалкой.

Долдри слушал не перебивая. Когда она закончила свою историю, слово в слово передав вчерашний необычный разговор, Долдри подозвал официантку, попросил счет и предложил Алисе подышать воздухом.

Они вышли из ресторана и неспешно зашагали по улице.

– Если я правильно понял, – сказал Долдри, прикинувшись огорченным, – то, прежде чем вы найдете мужчину своей жизни, вам предстоит встретить еще шесть человек, так?

– Да, мужчину, который будет для меня дороже всех на свете.

– По-моему, это одно и то же. А вы не расспросили ее об этом самом мужчине: кто он и где его найти?

– Нет, она только сказала, что он прошел у меня за спиной, пока мы разговаривали, больше ничего.

– Действительно маловато, – задумчиво сказал Долдри. – И она говорила про путешествие?

– Да, полная ерунда! Глупо, что я пересказала вам весь этот бред.

– Но этот бред, как вы говорите, долго не давал вам уснуть.

– У меня что, настолько усталый вид?

– Я слышал, как вы расхаживали по квартире. Стены у нас, честное слово, не толще картона.

– Простите, что побеспокоила вас...

– Что ж, по-моему, у нас только один способ хорошо выспаться, и боюсь, что уткам придется отложить Рождество до завтра.

– Почему? – спросила Алиса, когда они подходили к дому.

– Поднимитесь, наденьте теплый свитер и шарф, а я буду ждать вас здесь.

«Что за странный день!» – думала Алиса, поднимаясь по лестнице. Совсем не так собиралась она провести сочельник. Сначала этот неожиданный завтрак с соседом, которого она с трудом выносит, потом совершенно неожиданный разговор... И зачем она рассказала ему историю, которую сама же сочла бессмысленной и нелепой?

Алиса выдвинула ящик комода. Он велел надеть свитер и повязать теплый шарф, а ей так чертовски трудно подбирать одно к другому. Не зная, что выбрать, она остановилась на синем кардигане, который отлично подчеркивал ее фигуру, и шерстяной куртке крупной вязки.

Глянув в зеркало, Алиса решила слегка причесаться, но краситься не стала: она ведь согласилась пойти с соседом только из вежливости.

Наконец она вышла из дому, но, очутившись на улице, обнаружила, что Долдри исчез. Наверное, уже передумал: что ни говори, а он большой оригинал.

Дважды прогудел клаксон, и у тротуара остановился темно-синий «Остин-10». Из него вышел Долдри и, обойдя машину, распахнул перед Алисой пассажирскую дверцу.

– У вас есть машина? – удивленно спросила она.

– Угнал только что.

– Серьезно?

– Если бы ваша гадалка сказала, что вы увидите розовых слонов в пенджабской долине, вы бы поверили? Конечно, у меня есть машина.

– Спасибо, что смеетесь надо мной так откровенно, и простите мое удивление. Просто вы единственный из моих знакомых, у кого есть собственный автомобиль.

– Он куплен по случаю, и это далеко не «роллс-ройс», сами скоро убедитесь, когда остановимся. Зато не перегревается и хорошо ведет себя на дороге. Я всегда ставлю его где-нибудь на перекрестках, которые пишу. Он есть на всех моих картинах – такая у меня традиция.

– Может, при случае покажете мне свои работы? – попросила Алиса, садясь в машину.

Долдри пробормотал в ответ что-то невнятное. Скрипнуло сцепление, и автомобиль тронулся с места.

– Не считите меня любопытной, но куда мы едем?

– Куда же еще, – отвечал Долдри, – в Брайтон, конечно!

– В Брайтон? Зачем?

– Чтобы вы расспросили свою колдунью и задали все вопросы, которые должны были задать еще вчера.

– Да это же просто глупо...

– Мы будем там через полтора часа, а если на дорогах гололед, то через два. Не вижу ничего глупого. Вернемся еще засветло, а если ночь все-таки застанет нас в пути, то ничего страшного: вон те две выпуклые, с хромированными ободками штуки по обе стороны радиатора – это фары... Как видите, никакая опасность нам не грозит.

– Мистер Долдри, будьте так любезны, перестаньте постоянно надо мной насмехаться.

– Мисс Пендлбери, обещаю приложить все усилия, но, боюсь, вы просите о невозможном.

Они выехали из Ламбета, доехали до Кройдона, где Долдри весьма почтительно попросил Алису достать из перчаточного ящика карту и найти где-то к югу от столицы Брайтонское шоссе. Алиса посоветовала свернуть направо, а потом вернуться назад, так как карту она держала вверх ногами. Они немного поплутали, пока какой-то прохожий не подсказал верный путь.

В Редхилле Долдри сделал остановку, чтобы залить полный бак и проверить шины. Ему казалось, что машину немного вело вправо. Алиса сидела на своем месте, положив на колени карту.

После Кроули Долдри пришлось снизить скорость, кругом простирались белые поля, лобовое стекло заиндевело, и машину опасно заносило на поворотах. Через час оба настолько замерзли, что уже не могли поддерживать беседу. Долдри включил обогреватель на полную мощность, но слабенький вентилятор не справлялся с потоками ледяного воздуха, врывавшимися под откидной верх. Они заехали в придорожный ресторан «Восемь колоколов», где долго отогревались за столиком у камина. Выпив по последней чашке обжигающего чая, путешественники снова двинулись в путь.

Долдри объявил, что Брайтон уже недалеко. Но разве не он говорил, что на поездку уйдет от силы два часа? А с тех пор, как они покинули Лондон, времени прошло уже вдвое больше.

Когда они наконец добрались до места назначения, ярмарка уже закрывалась. Длинный пирс почти опустел, последние гуляющие возвращались домой встречать Рождество.

– Отлично, – сказал Долдри, выходя из машины и глядя на часы. – Так где эта гадалка?

– Сомневаюсь, что она нас дожидается, – сказала Алиса, энергично растирая замерзшие плечи.

– Не будем пессимистами, идем.

Алиса повела Долдри к билетной кассе. Окошко было закрыто.

– Прекрасно, – заметил Долдри, – вход бесплатный.

У фургончика, где накануне произошла та странная встреча, Алисе стало не по себе, дыхание перехватило от необъяснимой тревоги. Она остановилась, а Долдри, догадавшись о ее чувствах, повернулся к ней.

– Эта гадалка – такая же женщина, как вы или я... в смысле, как вы. Короче, нечего бояться, пошли и сделаем все необходимое, чтобы снять с вас порчу.

– Опять вы надо мной потешаетесь! Как это мило с вашей стороны!

– Просто хотел вас развеселить. Алиса, идите и смело выслушайте то, что скажет вам эта старая ведьма, а на обратном пути вместе посмеемся над ее глупостями. А когда вернемся, то от усталости будем спать как сурки назло всем гадалкам. Так что наберитесь храбрости, а я буду ждать вас здесь – с места не сдвинусь.

– Спасибо, вы правы, я веду себя как девчонка.

– Да... ну... теперь бегите, чтобы нам не возвращаться в темноте, а то у моей машины только одна фара работает.

Алиса подошла к фургончику. Окошко было закрыто, но из-под ставней пробивалась полоска света. Она обошла вокруг и постучала в дверь.

Гадалка очень удивилась, увидев Алису.

– Откуда ты взялась? Что-то случилось? – спросила она.

– Нет, – ответила Алиса.

– Неважно ты выглядишь, бледненькая такая, – заметила старуха.

– Это от холода: я до костей промерзла.

– Проходи, – велела гадалка. – Сядь здесь, у печки.

Алиса вошла в домик и сразу узнала запах ванили, амбры и кожи: у печки пахло еще сильнее. Она устроилась на скамейке, гадалка присела рядом и взяла ее за руки.

– Итак, ты вернулась.

– Я... просто проходила мимо, увидела свет.

– Очень мило с твоей стороны.

– Кто вы? – спросила Алиса.

– Ясновидящая, которую здесь на ярмарке очень уважают. Люди приезжают издалека, чтобы я поведала им будущее. Но вчера ты сочла меня просто глупой старухой. И если сегодня ты вернулась, значит, передумала. Что ты хочешь узнать?

– Тот мужчина, который прошел позади меня, когда мы беседовали, кто он и почему я должна встретить каких-то шесть человек, прежде чем найду его?

– Мне жаль, моя милая, но у меня нет ответов на твои вопросы. Я сказала тебе то, что увидела. Я не могу ничего выдумать и никогда этого не делаю, потому что не люблю лгать.

– Я тоже, – сказала Алиса.

– Но ты же не случайно здесь оказалась, не правда ли?

Алиса кивнула.

– Вчера вы называли меня по имени, но я вам его не называла. Как вы узнали? – спросила она.

– Ну а ты? Как ты узнаешь запахи, которые чувствуешь?

– Такой у меня дар, я парфюмер.

– А я предсказатель! У каждого человека свой дар.

– Я приехала, потому что один человек настоял на этом. По правде сказать, ваши слова меня вчера поразили, – призналась Алиса. – Всю ночь не могла из-за вас уснуть.

– Я тебя понимаю, на твоём месте и я бы себя так чувствовала.

– Скажите мне правду, вы действительно увидели все это вчера вечером?

– Правду? Будущее, слава богу, не высечено на мраморе. Твое будущее – это тот выбор, который ты делаешь.

– Так ваше предсказание просто чушь?

– Это возможное будущее, но не точное. Тебе самой решать.

– Решать что?

– Просить или не просить меня рассказать, что я вижу. Но подумай хорошенько, прежде чем ответить. Знание никогда не остается без последствий.

– Тогда для начала мне хотелось бы знать, насколько вы искренни.

– Разве я просила у тебя денег вчера? Или сегодня? Ты сама дважды пришла ко мне. Но ты так встревожена и взволнована, что лучше нам на этом закончить. Возвращайся домой, Алиса. Если тебе от этого станет легче, знай, что ничего ужасного с тобой не случится.

Алиса долго молча смотрела на гадалку. Та больше не смущала ее, напротив, рядом с ней было хорошо, а ее хриплый голос успокаивал. Не затем она проделала весь этот путь, чтобы уехать ни с чем. К тому же надо показать гадалке, что она не боится. Алиса встала и протянула ей руки.

– Хорошо, скажите, что вы видите. Вы правы, мне самой решать, чему верить, а чему нет.

– Ты точно решила?

– Каждое воскресенье мама водила меня в церковь. Зимой там стоял невыносимый холод. Я часами молилась Богу, которого никогда не видела и который никого не спасал, так что теперь могу остаться на несколько минут, чтобы вас послушать.

– Мне жаль, что твои родители не пережили войну, – перебила гадалка.

– Откуда вы знаете?

– Тсс. – Старуха приложила палец к губам Алисы. – Ты пришла сюда слушать, а сама только говоришь.

Гадалка повернула руки Алисы ладонями вверх.

– В тебе две жизни, Алиса. Та, которую ты знаешь, и та, которая давно тебя ждет. Между ними ничего общего. Мужчина, о котором я тебе говорила, находится где-то на пути этой второй жизни, а в той, которую ты ведешь сейчас, он никогда не появится. Если хочешь найти его, придется отправиться в долгое путешествие. За время этого путешествия ты поймешь, что ты совсем не та, кем всегда себя считала. И все, что ты считала настоящим, окажется неправдой.

– Что вы говорите? Это бессмыслица какая-то! – возмутилась Алиса.

– Может быть. В конце концов, я всего лишь ярмарочная гадалка.

– Куда я должна поехать?

– Туда, откуда ты пришла, дорогая. К своей истории.

– Я приехала из Лондона и туда же собираюсь вернуться.

– Я говорю о земле, где ты родилась.

– Так это Лондон и есть: я родилась в Холборне.

– Поверь мне, дорогая, это не так, – улыбнулась гадалка.

– Господи, но я же знаю, где моя мать меня родила!

– Ты родилась на юге, тут и провидцем не нужно быть, твои черты говорят об этом.

– Простите, вынуждена вам возразить: все мои предки родом с севера. По материнской линии из Бирмингема, а по отцовской из Йоркшира.

– Они оба с востока, – прошептала гадалка. – Ты родом из империи, которой больше не существует. Из очень древней страны, протянувшейся на тысячи километров. Кровь, что течет в твоих жилах, берет начало между Черным и Каспийским морями. Посмотри в зеркало и убедись сама.

– Вы городите чушь! – возмутилась Алиса.

– Повторяю, Алиса, чтобы отправиться в это путешествие, тебе вдобавок ко всему нужно научиться принимать некоторые вещи. А судя по твоим словам, ты к этому еще не готова. Лучше пока на этом остановиться.

– Не пойдет, хватит с меня этой жуткой бессонницы! И в Лондон я уеду только тогда, когда окончательно удостоверюсь в том, что вы шарлатанка.

Гадалка строго посмотрела на Алису.

– Простите, мне очень жаль, – поспешно извинилась та. – Я вовсе так не думаю, я не хотела вас обидеть.

Гадалка резко отпустила ее руки и встала.

– Возвращайся домой и забудь все, что я говорила. Это мне очень жаль. Правда в том, что я выжившая из ума старуха, которая рассказывает небылицы, пользуясь чужой слабостью. Я предсказывала будущее и увлеклась. Живи своей жизнью и ни о чем не переживай. Ты красивая женщина, не нужно быть гадалкой, чтобы предсказать, что ты обязательно найдешь мужчину себе по нраву.

Старуха направилась к двери хибарки, но Алиса не двинулась с места.

– Только что вы казались мне более искренней, – сказала она. – Ладно, продолжим игру. В конце концов, ничто не мешает мне относиться к этому как к игре. Предположим, я вам поверила. С чего я должна начать?

– Ты несносна, дорогая. Повторяю последний раз, я ничего не предсказывала. Я говорю то, что вижу, так что не стоит терять время. Тебе разве нечем заняться в сочельник?

– Если вы хотите, чтобы я оставила вас в покое, ругаться не имеет смысла. Обещаю, что уйду, как только вы мне ответите.

Гадалка взглянула на маленькую византийскую икону, висевшую на двери ее балаганчика, погладила полустершийся лик святого и, обернувшись к Алисе,

посмотрела на нее еще строже.

– В Стамбуле ты встретишь того, кто поведет тебя к следующей ступени. Только никогда не забывай: если ты доведешь поиски до конца, прежняя жизнь исчезнет. А теперь оставь меня, я устала.

Гадалка отворила дверь, в домик ворвался ледяной зимний воздух. Алиса закуталась поплотнее, достала кошелек, но гадалка денег не приняла. Девушка завязала на шее шарф и попрощалась со старухой.

Кругом было пустынно, фонари, причудливо поскрипывая, раскачивались на ветру. Издали автомобиль помигал Алисе единственной фарой. Долдри махал ей из-за стекла своего «остина». Поеживаясь от холода, она побежала к нему.

– Я начал волноваться. Уже подумал, не зайти ли мне за вами. На улице невозможно ждать в такой холод, – пожаловался Долдри.

– Похоже, придется в темноте возвращаться, – сказала Алиса, глянув на небо.

– Долго вы просидели в этой лачуге, – сказал Долдри, включая мотор.

– Я и не заметила, как время прошло.

– А я наоборот. Надеюсь, оно того стоило.

Алиса взяла с заднего сиденья карту и положила себе на колени. Долдри заметил, что если они хотят вернуться в Лондон, то карту следует перевернуть. Он нажал на газ, и машина рванула вперед.

– Странное у нас Рождество, правда? – почти виновато спросила Алиса.

– Уж лучше так, чем скучать в одиночестве и слушать радио. И потом, если в пути ничего не случится, еще успеем поужинать, когда доберемся. До полуночи еще далеко.

– До Лондона, боюсь, тоже, – вздохнула Алиса.

– Ну, давайте рассказывайте, не томите. Вы услышали, что хотели? Больше не волнуетесь из-за этой гадалки?

– Как сказать, – уклончиво ответила Алиса.

Долдри приоткрыл окно.

– Я закурю. Вы не против?

– Не против, если и меня угостите.

– Вы курите?

– Нет, – призналась Алиса, – но сегодня, пожалуй, следует покурить.

Долдри достал из плаща пачку «Эмбесси».

– Подержите-ка руль, – попросил он Алису. – Вы умеете водить?

– Абсолютно не умею, – ответила она и, наклонившись, ухватила за руль, а Долдри вытянул из пачки две сигареты и зажал их во рту.

– Старайтесь держаться посередине дороги.

Он щелкнул зажигалкой, свободной рукой поправил руль, выровняв машину, которую сносило к обочине, и протянул сигарету Алисе.

– Стало быть, у нас полное фиаско, – сказал он. – И вид у вас еще более озабоченный, чем вчера.

– Кажется, я приняла слова этой гадалки чересчур близко к сердцу. Наверное, от усталости. Плохо сплю в последнее время, совсем вымоталась. Эта женщина еще более безумна, чем мне показалось поначалу.

От первой же затяжки Алиса закашлялась. Долдри забрал у нее сигарету и выбросил в окно.

– Тогда поспите. Я вас разбужу, когда приедем.

Алиса прислонилась головой к стеклу, глаза у нее слипались.

Долдри поглядел на спящую девушку и сосредоточился на дороге.

«Остин» остановился у тротуара, Долдри выключил мотор и стал думать, как бы ему разбудить Алису. Заговорить – еще напугаешь, тронуть за плечо – неприлично. Можно, конечно, кашлянуть, но, если за всю дорогу ей не мешал скрип подвески, придется кашлять довольно громко, чтобы пробудить ее ото сна.

– Мы умрем от холода, если останемся тут на всю ночь, – прошептала Алиса, открывая глаза.

Долдри вздрогнул от неожиданности.

Добравшись до своего этажа, оба стояли молча, не зная, что сказать. Алиса заговорила первой:

– Итак, сейчас только одиннадцать.

– Вы правы, – ответил Долдри, – одиннадцать с небольшим.

– А что вы купили сегодня на рынке?

– Ветчину, баночку маринованных овощей, красную фасоль и кусок честера. А вы?

– Яйца, бекон, булку и мед.

- Да нас ждет пир горой! – воскликнул Долдри. – Я умираю с голоду.
- Вы угостили меня завтраком, истратили на меня уйму бензина, а я вас даже не поблагодарила. Теперь моя очередь вас угощать.
- С превеликим удовольствием, я всю неделю свободен.
- Итан, я говорила про сегодняшний вечер!
- Прекрасно, сегодня вечером я свободен.
- Я догадывалась.
- Действительно, было бы глупо праздновать Рождество каждому в своем углу.
- Тогда я приготовлю нам омлет.
- Чудесная мысль, – одобрил Долдри, – сейчас только отнесу плащ, и сразу к вам.

Алиса зажгла плитку, выдвинула сундук на середину комнаты, с двух сторон бросила по большой подушке, накрыла сундук скатертью и поставила два прибора. Потом залезла на кровать, открыла окно в потолке и достала коробку с яйцами и маслом, которые держала на крыше в холоде.

Чуть погодя в дверь постучал Долдри. На нем был пиджак, фланелевые брюки, а в руках корзина.

- Цветов сейчас нигде не купишь, так что я принес все, что купил утром. С омлетом получится восхитительно.

Долдри достал из корзины вино, а из кармана штопор.

- Все-таки Рождество, не воду же нам пить!

За ужином Долдри поделился с Алисой детскими воспоминаниями. Рассказал, как тяжело ему было уживаться с родными. О страданиях матери, вышедшей

замуж без любви за человека, не разделявшего ее вкусов и взглядов и далеко не такого утонченного, как она сама. Про старшего брата, лишенного чувства прекрасного, но честолюбивого и приложившего все усилия, чтобы отдалить Итана от семьи, в страстном стремлении остаться единственным наследником отцовского дела. Долдри много раз переспрашивал Алису, не скучно ли ей, и та каждый раз уверяла, что ей совсем не скучно: история этой семьи казалась ей захватывающей.

– А каким было ваше детство? – спросил сосед.

– Счастливым, – отвечала Алиса. – Я единственный ребенок. Не могу сказать, что мне не нужны были братья и сестры, мне чертовски их не хватало, зато все родительское внимание доставалось мне одной.

– А чем занимался ваш отец? – спросил Долдри.

– Он был аптекарем, а в свободное время исследователем. Его очень интересовали лечебные свойства растений, он их со всего мира заказывал. Мама работала с ним, они вместе учились. На шелковых простынях мы не спали, но дела аптеки шли хорошо. Родители любили друг друга, и дома было весело.

– Вам повезло.

– Да, это правда, но, когда видишь рядом такую любовь, начинаешь стремиться к недостижимому идеалу.

Алиса встала и отнесла тарелки в раковину. Долдри убрал остальное и пошел к ней. У рабочего стола он остановился и принялся рассматривать глиняные горшочки, из которых торчали бумажные полоски, и множество флаконов, расставленных по группам на этажерке.

– Справа абсолю[2 - Абсолю – ароматическое эссенциальное масло высшей степени очистки.], их получают из конкретов[3 - Конкрет – эфирное вещество, экстрагированное растворителями из сырого растительного сырья (коры, листьев, корней, цветов и травы).] или резиноидов[4 - Резиноид – смолистый продукт, душистый экстракт смолы.]. В середине составы, с которыми я работаю.

– Вы химик, как ваш отец? – удивился Долдри.

– Абсолю – это эссенции, конкреты – это экстракты основных душистых веществ разного растительного сырья, например розы, жасмина или сирени. А этот стол, который вас так заинтриговал, называют органом. У парфюмеров и музыкантов много общих словечек, мы тоже говорим про ноты и аккорды. Отец был фармацевтом, а моя профессия называется «нос». Я пытаюсь создавать новые композиции, новые ароматы.

– Очень оригинальное занятие! И вы уже что-нибудь создали? Я имею в виду духи, которые продавались бы? Я их знаю?

– Да, было дело, – усмехнулась Алиса. – Это пока секрет, но у лондонских парфюмеров уже есть мои изобретения.

– Как чудесно, наверное, видеть свое произведение в продаже. Возможно, какому-нибудь мужчине удалось соблазнить женщину с помощью созданных вами духов.

На этот раз Алиса рассмеялась:

– Мне жаль вас разочаровывать, но я пока создавала только женские ароматы. Однако вы подали мне идею. Надо поискать какие-нибудь пряные нотки, что-нибудь древесное, мужское, кедр или ветивер. Я подумаю.

Алиса отрезала два ломтика от сдобной булки.

– Приступим к десерту, а потом я вас отпущу. Вечер получился прекрасный, но у меня глаза слипаются.

– У меня тоже, – зевнул Долдри. – На обратном пути валил густой снег, пришлось глядеть в оба.

– Спасибо, – тихо сказала Алиса и положила перед Долдри кусочек булки.

– Вам спасибо, я так давно сдобы не ел.

– Спасибо, что съездили со мной в Брайтон. Так великодушно с вашей стороны!

Долдри посмотрел на стеклянный потолок.

– Днем тут, наверное, потрясающий свет.

– Так и есть, как-нибудь позову вас на чай, убедитесь воочию.

Когда булка была съедена, Долдри встал, и Алиса проводила его до дверей.

– Мне тут недалеко, – сообщил сосед, выходя на лестничную площадку.

– Да, действительно.

– С Рождеством, мисс Пендлбери.

– С Рождеством, мистер Долдри.

3

Стекло крыши покрылось тонкой гладкой корочкой, в городе выпал снег. Алиса приподнялась в постели, пытаясь разглядеть, что там на улице. Она приоткрыла окно и тут же захлопнула, спасаясь от холода.

Ее глаза еще слезились со сна, когда она, пошатываясь, дошла до плитки и поставила чайник на огонь. Долдри проявил щедрость и оставил на этажерке коробок спичек. Алиса улыбнулась, вспоминая вчерашний вечер.

За работу садиться не хотелось. Сегодня Рождество, а раз нет родных, которых можно было бы навестить, она погуляет в парке.

Одевшись потеплее, Алиса на цыпочках спустилась по лестнице. В викторианском доме царила тишина, Долдри наверняка еще спал.

Улица сияла белизной, и эта картина очаровала Алису. Снег имеет свойство скрывать всю грязь города, и даже самые унылые кварталы, укрытые снегом, обретают подобие красоты.

Приближался трамвай, Алиса бросилась к перекрестку, запрыгнула на подножку, купила у водителя билет и нашла место в середине вагона.

Через полчаса она вошла в Гайд-парк через Куинз-гейт и пошла по диагональной аллее к Кенсингтонскому дворцу. У небольшого пруда Алиса остановилась. По темной воде к ней заскользили утки в надежде на угощение. Алиса пожалела, что ей нечем их покормить. С той стороны пруда какой-то мужчина на лавочке помахал ей рукой. Он встал и теперь махал все энергичнее, подзывая ее к себе. Утки развернулись и поплыли прочь от Алисы, спеша к незнакомцу на другом берегу. Алиса обогнула пруд и подошла к мужчине, который, присев на корточки, раздавал еду проголодавшимся птицам.

– Долдри? Просто поразительно. Вы за мной шпионите?

– Поразительно то, что вам помахал незнакомец, и вы сразу к нему побежали. Я пришел раньше вас, а потому вряд ли мог за вами шпионить.

– Что вы тут делаете? – спросила Алиса.

– Устраиваю уткам Рождество. Забыли? Я вышел подышать, нашел в кармане хлеб, который мы вчера утащили из паба, и подумал: если уж гулять, почему бы не покормить уток. А вас что сюда привело?

– Люблю здесь бывать.

Долдри разломил хлеб надвое и протянул кусок Алисе.

– Итак, – сказал Долдри, – наша поездка ни к чему не привела?

Занятая утками, Алиса не ответила.

– Я опять слышал, как вы полночи бродили по комнате. Так и не получилось уснуть? Вы ведь, кажется, устали.

– Я уснула и быстро проснулась. Кошмар приснился. И не один.

Хлеб у Алисы кончился, у Долдри тоже. Он выпрямился и подал девушке руку, помогая подняться.

– Почему вы не хотите рассказать, что такое вам открыла гадалка?

На заснеженных аллеях Гайд-парка было мало гуляющих. Алиса в подробностях передала свою беседу с прорицательницей, не забыв и про ее признание в том, что она всего-навсего выжившая из ума старуха, простая ярмарочная гадалка.

– Странный поворот беседы. Но раз эта женщина сама призналась в том, что она шарлатанка, вам-то зачем беспокоиться?

– Беда в том, что именно в ту минуту я начала ей верить. Но я ведь прагматик. Уверяю вас, если бы лучшая подруга рассказала мне хоть малую толику того, чего я там наслушалась, я рассмеялась бы ей в лицо.

– Оставим подругу в покое и сосредоточимся лучше на вашей истории. Что вас так тревожит?

– Слова этой гадалки переворачивают все с ног на голову. Представьте себя на моем месте.

– И она говорила вам про Стамбул? Забавно! Пожалуй, вам стоит туда отправиться для очистки совести.

– Вот это действительно забавно. Вы хотите свозить меня туда на своем «остине»?

– Боюсь, что это выходит за пределы его возможностей. Это я просто так сказал.

Им навстречу по аллее прошли мужчина и женщина. Долдри дождался, пока они удалятся на приличное расстояние, и заговорил снова:

– Я скажу, что вас беспокоит в этой истории больше всего. То, что, по словам гадалки, главный мужчина вашей жизни ждет вас в конце этого путешествия. Я вас не осуждаю, это действительно безумно романтично и чрезвычайно таинственно.

– Мне не дает покоя ее твердое убеждение, будто бы я там родилась, – сухо ответила Алиса.

– Но ваше свидетельство о рождении доказывает обратное.

– Я помню, мне было десять лет, мы с матерью шли мимо роддома в Холборне, и она сказала, что здесь я появилась на свет.

– Тогда забудьте все это! Не надо было возить вас в Брайтон, я хотел как лучше, а получилось наоборот. Теперь вы придаете важное значение какой-то бессмыслице, и все из-за меня.

– Пора мне вернуться к работе, безделье на меня плохо действует.

– Что же вам мешает?

– Вчера я имела большую глупость простудиться. Ничего страшного, но для моего ремесла я теперь не гожусь.

– Говорят, если насморк лечить, он пройдет за неделю, а если не лечить, то за семь дней, – усмехнувшись, заметил Долдри. – Боюсь, вам придется набраться терпения. Если вы простудились, вам лучше пойти домой отогреться. Моя машина у Принц-гейт, в конце аллеи. Я вас подвезу.

«Остин» не желал заводиться. Долдри попросил Алису сесть за руль, чтобы сам он подтолкнул машину. Как только «остин» сдвинется с места, Алиса должна отпустить сцепление.

– Это несложно, – заверил он. – Сначала левой ногой жмете на педаль до упора. Потом, когда мотор заработает, легонько опускаете ногу на правую, а затем обеими ногами нажимаете на две педали слева. Следите, чтобы машина ровно

ехала по дороге.

– Это очень сложно! – возразила Алиса.

Колеса буксовали в снегу. Долдри поскользнулся и растянулся на дороге во весь рост. Алиса, наблюдавшая сцену в зеркало заднего вида, расхохоталась. От смеха ей пришла счастливая мысль повернуть ключ зажигания, мотор кашлянул и завелся, а Алиса рассмеялась еще пуще.

– Вы уверены, что ваш отец был аптекарем, а не автомехаником? – поинтересовался Долдри, усаживаясь на пассажирское место.

Его пальто было все в снегу, да и вообще он выглядел не лучшим образом.

– Извините, это совсем не смешно, но я не удержалась, – хихикнув, сказала Алиса.

– Ничего, давайте рулите, – проворчал Долдри. – Выезжайте на дорогу, раз уж эта чертова тачка так вас полюбила. Посмотрим, будет ли она такой же послушной, когда разгонится.

– Вы же знаете, что я не умею водить, – по-прежнему весело возразила Алиса.

– Все когда-нибудь бывает впервые, – невозмутимо ответил Долдри. – Жмите на левую педаль, это сцепление, потом плавно отпускайте и потихоньку жмите на газ.

Колеса катились по обледенелой мостовой. Крепко держа руль, Алиса так ловко направляла машину, что ее сосед только диву давался.

В это рождественское утро улицы были почти пусты. Алиса вела машину, внимательно слушая указания Долдри. Не считая пары резких торможений, из-за чего оба раза заглох мотор, ей удалось довести их до дома без всяких происшествий.

– Это было потрясающе, – сказала Алиса, выключая мотор. – Мне очень понравилось водить.

– Ну что ж, можно устроить второй урок на этой неделе, если у вас будет желание.

– С огромным удовольствием.

Поднявшись на свой этаж, Алиса и Долдри распрощались. Девушку познабливало, и она была не прочь отдохнуть. Поблагодарив Долдри, она вошла к себе, бросила пальто на кровать и юркнула под одеяло.

Подхваченная горячим ветром, в воздухе летала мельчайшая пыль. В конце немощенной улочки высокая лестница вела к другому кварталу города.

Алиса шла босиком, оглядываясь по сторонам. Железные ставни пестрых магазинчиков были закрыты.

Кто-то окликнул ее издалека. С верхних ступеней лестницы какая-то женщина махала рукой, призывая Алису поторопиться, словно им обеим грозила опасность.

Алиса помчалась к ней, но женщина бросилась прочь и исчезла.

Сзади слышался шум, крики, вопли. Алиса заспешила к лестнице, женщина ждала ее внизу. Она велела Алисе остановиться и дальше не ходить, поклялась ей в любви и попрощалась.

Она удалялась, ее силуэт уменьшался и вскоре стал совсем крохотным, но в сердце Алисы он рос и рос, пока не сделался огромным.

Алиса бросилась за ней, ступени рушились у нее под ногами, огромная трещина разломилась надвое, а гул за спиной сделался невыносимым. Алиса подняла голову. Красное солнце обжигало кожу, тело покрылось испариной, на губах выступила соль, в волосах застряла земля. Вокруг кружились тучи пыли, не давая дышать.

Неподалеку раздался протяжный жалобный стон, потом бормотание: слов нельзя было разобрать. У Алисы першило в горле, она задышалась.

Чья-то решительная рука подхватила ее и приподняла над землей, когда большая лестница уже ускользала у нее из-под ног.

Алиса вскрикнула, принялась вырываться изо всех сил, но держали ее очень крепко. Она почувствовала, что теряет сознание. С обмороком было бесполезно бороться. Над ее головой полыхало огромное красное небо.

Алиса открыла глаза, белизна снега на стеклянной крыше ослепила ее. Девушку знобило, лоб пылал. Она нащупала стакан воды на тумбочке и, сделав глоток, закашлялась. Алиса совсем обессилела. Надо встать и найти одеяло, чтобы спастись от пронизывающего холода. Она попыталась приподняться, не смогла и снова провалилась в темноту.

Кто-то тихонько позвал ее по имени. Знакомый голос бормотал слова утешения.

Она пряталась в каком-то чулане, скрючившись, спрятав голову между коленями. Чья-то рука закрывала ей рот, не давая говорить. Алисе хотелось плакать, но та, что держала ее в объятиях, умоляла ее молчать.

Кто-то стукнул кулаком в дверь. Удары становились сильнее, теперь уже стучали ногой. Послышались шаги, кто-то вошел. Затаившись в своей каморке, Алиса старалась не дышать, казалось, ее сердце остановилось.

– Алиса, проснитесь!

Долдри подошел к кровати и пощупал ей лоб.

– Бедняжка, да вы вся горите!

Он помог ей приподняться, поправил подушку и уложил поудобнее.

– Я вызову врача.

Немного погодя он вернулся.

– Боюсь, у вас что-то посерьезней насморка. Врач скоро придет. Отдыхайте, я побуду с вами. – И уселся в изножье кровати.

Вскоре пришел врач. Он осмотрел Алису, пощупал ей пульс, внимательно послушал сердце и дыхание.

– Ее состояние вызывает серьезные опасения, очень похоже на грипп. Ей нужно укрыться теплее и пропотеть. Давайте ей пить, – обратился он к Долдри, – теплую подслащенную воду или травяной чай, понемногу, но как можно чаще.

Он вручил Долдри аспирин.

– Это должно сбить температуру. Если завтра не станет лучше, отвезите ее в больницу.

Долдри заплатил врачу и поблагодарил за то, что тот приехал в Рождество. Потом пошел к себе, принес два одеяла и укутал Алису. И наконец вытащил на середину комнаты кресло, стоявшее у длинного рабочего стола, и устроился в нем на ночь.

– Не знаю, может, лучше было, когда ваши друзья не давали мне спать. Я, по крайней мере, лежал в своей постели, – проворчал он.

Шум в комнате прекратился. Алиса открыла дверь шкафа, в котором пряталась. Кругом тихо и ни души. Мебель раскидана, постель смята. На полу валялась

картинка в раме. Алиса осторожно убрала осколки разбитого стекла и поставила картинку обратно на тумбочку. Два улыбающихся лица, нарисованные тушью. Окно открыто, теплый ветер колышет занавески. Алиса подходит к подоконнику, он слишком высок, и ей приходится влезть на табурет, чтобы увидеть улицу. Она карабкается вверх, дневной свет ослепителен, она щурится.

Какой-то человек на тротуаре смотрит на нее и улыбается, у него ласковое лицо, взгляд полон любви. Алиса любит этого мужчину всем сердцем. Она всегда так сильно его любила и знала всю свою жизнь. Ей хочется броситься к нему, чтобы он ее обнял, она хочет его удержать, назвать по имени, но голоса нет. Тогда Алиса взмахивает рукой. В ответ он машет ей кепкой, улыбается и исчезает.

Алиса снова открыла глаза. Долдри поддерживал ее, поднося стакан воды к ее губам и уговаривая попить.

– Я его видела, – проговорила она, – он был здесь.

– Врач приходил, – сказал Долдри. – В воскресенье, причем в Рождество. Надо же, какой ответственный!

– Это был не врач.

– А он так был на него похож.

– Я видела человека, который ждет меня там.

– Прекрасно, – сказал Долдри, – поговорим об этом, когда вам станет лучше. А пока отдыхайте. Кажется, жар уже спадает.

– Он гораздо красивее, чем я думала.

– Нисколько не сомневаюсь. Надо и мне заболеть гриппом, может, меня навестит Эстер Уильямс[5 - Эстер Уильямс (р. 1921) – американская пловчиха и актриса, звезда так называемых «водных мюзиклов». Фильм «Bathing Beauty» во

французском прокате назывался «Бал русалок», а у нас – «Прекрасная купальщица»]. В фильме «Бал русалок» она была неотразима.

– Да, – пробормотала Алиса в полубреду, – он поведет меня на бал.

– Прекрасно, а я в это время смогу отоспаться.

– Я должна его отыскать, – прошептала Алиса, закрывая глаза, – мне надо ехать туда, мне нужно его найти.

– Блестящая мысль! И все же советую несколько дней подождать. Учитывая ваше состояние, я не уверен, что любовь с первого взгляда будет взаимной.

Алиса опять уснула. Долдри вздохнул и снова уселся в кресло. Было четыре утра, от неудобной позы у него задеревенела спина, затылок ломило, зато у Алисы порозовели щеки. Аспирин действовал, температура спадала. Долдри погасил свет и попросил Господа послать ему крепкий сон.

Алису разбудил протяжный храп. Тело по-прежнему ныло, но озноб прошел, уступив место приятному теплу.

Она открыла глаза и обнаружила развалившегося в кресле соседа со сползшим на пол одеялом. Правая бровь Долдри забавно поднималась и опускалась в такт дыханию. Алиса наконец поняла, что сосед провел ночь у ее постели, и ей сделалось страшно неловко. Она осторожно приподняла покрывало, завернулась в него и тихонько направилась к плитке. Приготовила чай, изо всех сил стараясь не шуметь, и осталась сидеть возле печки. Долдри всхрапнул сильнее, так громко, что сам проснулся. Он повернулся на бок, соскользнул с кресла и шлепнулся на паркет.

– Почему вы не в постели? – спросил он, зевая.

– Чай готовлю, – ответила Алиса и налила две чашки.

Долдри встал, потянулся и потер поясницу.

– Немедленно лягте.

– Мне гораздо лучше.

– Вы напоминаете мне мою сестру – заметьте, это вовсе не похвала. Вы такая же беспечная и упрямая. Не успели прийти в себя – и уже носитесь по холоду! А ну марш в постель без разговоров! Я принесу вам чай. Конечно, если смогу двигать руками, а то у меня по телу не то что мурашки, а целая армия муравьев бегают.

– Мне так стыдно, что я причиняю вам неудобства, – сказала Алиса, послушно отправляясь в постель.

Она села в кровати, а Долдри поставил ей на колени поднос.

– Есть хотите? – спросил он.

– Не очень.

– А немного поесть все-таки придется, так надо, – сказал Долдри.

Он сходил к себе и принес жестяную коробку с печеньем.

– Настоящее масляное печенье? – удивилась Алиса. – Сто лет его не ела.

– Самое что ни на есть домашнее, – гордо заявил Долдри, макая печенье в чай.

– Очень аппетитно выглядит, – заметила Алиса.

– Разумеется! Говорю же, сам испек.

– С ума сойти...

– И что же такого сумасшедшего в моем печенье? – обиделся Долдри.

– ...как некоторые вкусы напоминают детство. Мама пекла такое по воскресеньям, и мы всю неделю ели его по вечерам с горячим какао, когда я

заканчивала уроки. В то время оно мне не очень нравилось, я топила его в чашке, пока не растает, а мама ничего не замечала. А потом, в войну, когда мы прятались в убежище и ждали окончания воздушной тревоги, я только и думала про это печенье. В подвале, где стены шатались от падавших вокруг бомб, мне так часто снилось это лакомство.

– Не могу похвастать, что меня с матерью связывают такие же счастливые минуты, – сказал Долдри. – Вряд ли мои печенья так же хороши, как ваши, но, надеюсь, они вам нравятся.

– Можно мне еще? – попросила Алиса.

– Кстати о снах. Вам этой ночью снились ужасные кошмары, – проговорил Долдри.

– Знаю, я помню, во сне я гуляла босиком по улице из других времен.

– В снах времени не существует.

– Вы не поняли. Мне показалось, я знаю то место.

– Какое-нибудь смутное воспоминание. В кошмарах все перемешано.

– Это была жуткая смесь, Долдри, страшнее, чем немецкие бомбы.

– Они тоже были в вашем сне?

– Нет, я была где-то далеко. За мной гнались, кто-то желал мне зла. А когда появился он, страх исчез. Показалось, что ничего плохого со мной уже не случится.

– Появился кто?

– Тот мужчина на улице, он мне улыбался. Помахал на прощание кепкой и ушел.

– Вы с таким волнением рассказываете, словно это было на самом деле.

Алиса вздохнула:

– Вам бы надо отдохнуть, Долдри, вы такой бледный.

– Это вы тут больная, а не я, хотя, признаюсь, кресло у вас не очень удобное.

В дверь постучали, и Долдри пошел открывать. На пороге стояла Кэрол с большой корзиной в руках.

– Что вы тут делаете? Вам Алиса уже и в одиночку мешает? – осведомилась Кэрол, входя в комнату.

Увидев подругу в постели, она удивилась.

– Ваша подруга подхватила сильный грипп, – отвечал Долдри, расправляя куртку, немного смущенный появлением Кэрол.

– Значит, я как раз вовремя. Можете спокойно нас оставить, я медсестра, теперь Алиса в надежных руках.

Она дошла с Долдри до двери, торопясь его выпроводить.

– Ступайте, ступайте, – говорила она. – Алисе нужен отдых, я за ней присмотрю.

– Итан, – позвала Алиса с кровати.

Долдри поднялся на цыпочки, чтобы видеть ее через плечо Кэрол.

– Спасибо за все, – тихо проговорила Алиса.

Долдри натянуто улыбнулся и вышел.

Дверь закрылась, Кэрол подошла к кровати, положила руку Алисе на лоб, пощупала шею и велела показать язык.

– Небольшой жар еще есть. Я тебе из деревни столько вкуснятины привезла! Свежие яйца, молоко, варенье, пирог – мама вчера испекла. Как ты себя чувствуешь?

– Как во время урагана, с тех пор как ты здесь.

– «Спасибо за все, Итан», – передразнила Кэрол, наливая воды в чайник. – Смотрю, вы подружились со времени нашего последнего ужина у тебя. Что скажешь?

– Что ты дурочка и твои намеки неуместны.

– Никаких намеков, говорю что вижу.

– Мы соседи, ничего более.

– Вы и неделю назад были соседями, но он обращался к тебе «мисс Пендлбери», а ты называла его «мистер Ворчун, который портит праздник». Случилось что-то особенное, раз вы так сблизились.

Алиса молчала. Кэрол смотрела на нее, держа в руке чайник.

– Все так серьезно?

– Мы еще раз ездили в Брайтон, – вздохнула Алиса.

– Так это он был твоей таинственной вечеринкой на Рождество? Ты права, ну я и дура! А я-то думала, ты все выдумала, чтобы мальчишки отстали. Я весь сочельник проклинала себя за то, что оставила тебя одну в Лондоне и не увезла к родителям. А мисс, оказывается, в это время резвилась со своим соседом у моря. Какая же я дуреха!

Кэрол поставила чашку чая на табурет у кровати.

– Ты никогда не думала купить себе нормальную мебель? Тумбочку, например? Погоди, погоди, мисс Хитрюга, – продолжала она с воодушевлением, – неужели в прошлый раз, когда твой сосед ворвался сюда, это вы с ним подстроили, чтобы

выгнать нас и провести вечер вдвоем?

– Кэрол! – зашипела на нее Алиса, тыча в стену, смежную с квартирой соседа. – Замолчи и сядь. От тебя устаешь больше, чем от гриппа.

– Это не грипп, просто сильная простуда, – возразила Кэрол, рассердившись на резкую отповедь.

– Я никуда ехать не планировала, это он сделал широкий жест. И не строй эту насмешливую мину, у нас с Долдри ничего нет, просто вежливая взаимная симпатия. Он совершенно не в моем вкусе.

– А зачем ты ездила в Брайтон?

– У меня совсем сил нет, дай отдохнуть, – взмолилась Алиса.

– Хорошая благодарность за мою заботу, нечего сказать.

– Дай пирога и кончай ерунду болтать, – сказала Алиса и чихнула.

– Вот видишь, у тебя сильный насморк.

– Надо поскорей вылечиться и возвращаться к работе, – заметила Алиса, усаживаясь в кровати. – А то я от безделья свихнусь.

– Придется запастись терпением. Из-за этой поездки в Брайтон ты на неделю лишилась обоняния. Ну так как? Скажешь, чем вы там занимались?

По мере того как Алиса рассказывала, Кэрол взирала на нее со все большим изумлением.

– Да уж, – проговорила она, – я бы на твоем месте тоже перепугалась. Неудивительно, что ты слегла.

– Очень смешно, – пожала плечами Алиса.

– Слушай, Алиса, ну это же нелепо, это просто бред. Что значит: «Все, что ты считала настоящим, окажется неправдой?» А вообще это верх любезности со стороны твоего соседа – отвезти тебя в такую даль, чтобы ты могла еще раз послушать всякие глупости. Хотя мне знаком кое-кто способный и на большее, лишь бы тебя на машине покатаť. Жизнь несправедлива, в моем сердце столько любви, а мужчинам нравишься ты.

– Каким мужчинам? Я с утра до вечера одна, не говоря уж про ночь.

– А про Антона забыла? Если ты и одна, то сама виновата. Ты идеалистка и не умеешь ловить момент. Хотя по сути ты права. Пожалуй, мне бы хотелось, чтобы меня первый раз поцеловали на карусели, – грустно призналась Кэрл. – Ладно, мне пора, а то в больницу опоздаю. Да и вас не хочу беспокоить, а то вдруг сосед вернется.

– Прекрати, я же сказала: между нами ничего нет.

– Знаю, он не в твоём вкусе, тем более что теперь где-то далеко тебя ждет прекрасный принц... Взяла бы отпуск да поехала его искать. Были б деньги, я бы с тобой с удовольствием съездила. Смеюсь, конечно, но как было бы классно двум девчонкам попутешествовать... В Турции тепло и мальчики, наверное, загорелые.

Алиса задремала. Кэрл, подняв лежавшее у кресла одеяло, укрыла ее.

– Спи, красавица, – прошептала она. – Я, конечно, ревнивая свинья, но ты моя лучшая подруга, ты мне как сестра. Завтра после дежурства заскочу тебя проведать. Ты скоро поправишься.

Кэрл надела пальто и на цыпочках удалилась. На площадке она увидела Долдри: тот шел в магазин. Спустились вместе. На улице Кэрл обратилась к нему:

– Она скоро поправится.

– Приятная новость.

– Очень любезно, что вы о ней позаботились.

– Пустяки, – ответил Долдри, – мы же соседи...

– До свидания, мистер Долдри.

– Секундочку, мисс. Это вас не касается, но вам стоит усвоить раз и навсегда, что она тоже не в моем вкусе. То есть абсолютно!

И Долдри удалился не попрощавшись.

4

Неделя тянулась бесконечно. Температура у Алисы спала, но работать она не могла, потому что почти не чувствовала даже запаха еды. Долдри больше не показывался. Алиса не раз стучалась к нему, но в квартире соседа царила тишина.

Кэрол навещала подругу после каждого дежурства, приносила продукты и газеты, которые потихоньку таскала из больничной комнаты для посетителей. Как-то раз она даже осталась на ночь – слишком устала, чтобы по зимнему холоду возвращаться к себе через три улицы.

Кэрол спала рядом с Алисой и среди ночи энергично растолкала ее, когда той снова привиделся без конца мучивший ее кошмар.

В субботу, когда Алиса с радостью уселась за работу, на лестничной клетке слышались шаги. Она отодвинула кресло и побежала к дверям. Долдри возвращался домой с чемоданом в руке.

– Добрый день, Алиса, – сказал он, не глядя на нее.

Он повернул ключ в замке и немного замешкался.

– Извините, что не зашел, мне нужно было уехать на несколько дней, – добавил Долдри, по-прежнему стоя к ней спиной.

– Ничего, не извиняйтесь, просто я беспокоилась, что вас не слышно.

– Я кое-куда ездил. Можно было вам записку оставить, но я этого не сделал.

– Почему вы все время от меня отворачиваетесь? – спросила Алиса.

Долдри медленно повернулся. Он был бледен, на щеках трехдневная щетина, глаза покраснели и слезились, под ними залегли тени.

– Что-то случилось? – с тревогой спросила Алиса.

– Со мной все в порядке, – ответил Долдри, – а вот моему отцу взбрело в голову не проснуться утром в понедельник. Три дня назад мы его похоронили.

– Заходите, я напою вас чаем, – пригласила его Алиса.

Долдри поставил чемодан и последовал за соседкой. Поморщившись, он рухнул в кресло. Алиса подвинула табурет и села напротив.

Долдри рассеянно смотрел на стеклянный потолок. Уважая его чувства, девушка молчала, и так прошел почти час. Потом Долдри вздохнул и встал.

– Спасибо, – сказал он, – это именно то, что мне было нужно. Теперь пойду к себе, приму душ – и спать.

– Прежде чем спать, приходите поужинать, я приготовлю омлет.

– Мне что-то есть не хочется.

– И все же поешьте, так надо, – сказала Алиса.

Немного погодя Долдри вернулся. На нем был свитер, фланелевые брюки, волосы все еще растрепаны, под глазами круги.

– Простите за мой вид, – сказал он, – кажется, забыл у родителей бритву, а другую искать уже поздно.

– А вам идет борода, – ответила Алиса, впуская его.

Они поужинали за сундуком, Алиса открыла бутылку джина. Долдри охотно выпил, но аппетита у него не было. Только из вежливости он заставил себя съесть немного омлета.

– Я дал себе слово, – сказал он, когда повисло молчание, – однажды поговорить с ним как мужчина с женщиной. Объяснить ему, что я живу так, как захотел сам. Я никогда не судил его, хотя и стоило, и надеялся, что он так же поступит со мной.

– Даже если он запрещал себе говорить это вслух, я уверена, он вами восхищался.

– Вы его не знали, – вздохнул Долдри.

– Что бы вы ни думали, вы его сын.

– Я сорок лет страдал оттого, что его нет рядом, и привык к этому. А теперь, когда он умер, почему-то стало еще больней.

– Я понимаю, – тихо сказала Алиса.

– Вчера вечером я зашел к нему в кабинет. Мать застала меня за тем, что я рылся в его столе. Она подумала, я ищу завещание, а я сказал, мне плевать, пусть брат с сестрой об этом волнуются. Единственное, что я надеялся найти, – записку или письмо, которое он мне оставил. Мать обняла меня и сказала: «Бедный мой мальчик, он ничего тебе не написал». Я не мог плакать, когда гроб с его телом опускали в землю. Я не плакал с того лета, когда мне было десять: я тогда упал с дерева и здорово расшиб коленку. Но сегодня утром, когда дом, в котором я вырос, исчезал в зеркале заднего вида, я не смог сдержаться. Пришлось встать у обочины, я не разбирал дороги. Показалось таким нелепым,

что я сижу в машине и плачу, как ребенок.

– Вы и стали снова ребенком, мистер Долдри, вы только что похоронили отца.

– Смешно... Знаете, если бы я стал пианистом, он бы, наверное, мною гордился. Может, даже ходил бы на мои концерты. Но живопись его не интересовала. Для него это была не профессия, в лучшем случае увлечение. Что ж, зато его смерть стала поводом повидаться со всеми родными сразу.

– Вам стоило бы написать его портрет и повесить в родительском доме где-нибудь на почетном месте, в отцовском кабинете например. Я уверена: где ни был сейчас ваш отец, он был бы глубоко тронут.

– Какая чудовищная идея! Я не настолько жесток, чтобы подложить матери такую свинью. Хватит мне ныть, я и так злоупотребил вашим гостеприимством. Омлет был изумительный, а джин, которым я тоже несколько злоупотребил, – еще лучше. Раз вы поправились, я дам вам еще один урок вождения, когда буду, скажем так, в лучшей форме.

– С удовольствием, – ответила Алиса.

Долдри попрощался с соседкой. Он всегда держался очень прямо, но сейчас немного сутулился и шел нетвердой походкой. На площадке он остановился, вернулся к Алисе, забрал джин и ушел к себе.

После ухода Долдри Алиса сразу легла. Она очень устала, и ее тут же сморил сон.

«Идем, – прошептал незнакомый голос, – нам надо уходить отсюда».

Дверь открылась в ночную тьму, на улочке ни огонька, фонари погашены, ставни домов закрыты. Какая-то женщина держит ее за руку и ведет за собой. Они идут рядом, шагов не слышно, обе крадутся по пустынному тротуару, стараясь, чтобы их тени, возникающие в бликах лунного света, не выдавали их присутствия. Багаж у них невелик: весь немудреный скарб поместился в одном небольшом

черном чемодане. Они подходят к вершине высокой лестницы. Отсюда виден весь город. Вдали небо озарено пурпурными всполохами. «Целый квартал горит, – произносит голос, – они совсем обезумели. Пошли. Там вы будете в безопасности. Они защитят нас, я уверена. Иди за мной, любовь моя».

Алисе никогда не было так страшно. Разбитые ноги болят, обуви на ней нет, да и как ее найти в таком хаосе? В дверях дома возникает чей-то силуэт. Какой-то старик глядит на них и машет, чтобы поворачивали обратно. Он указывает на баррикаду, которую охраняют молодые солдаты.

Женщина медлит и оборачивается, у груди она держит ребенка в шарфе, повязанном через плечо. Она гладит его по головке, чтобы успокоить. И снова они куда-то бегут.

Десять маленьких вырытых в земле ступеней поднимаются на крутой склон. Беглянки проходят мимо источника. В тихой воде есть что-то умиротворяющее. Справа от них длинная ограда, калитка приоткрыта. Похоже, женщина хорошо знает это место, Алиса следует за ней. Они бредут по заброшенному саду, высокая трава не шелохнется, чертополох цепляется за ноги Алисы и царапает их, словно не хочет пускать ее дальше. У нее из груди рвется крик, но она сдерживается.

В глубине фруктового сада виднеются развороченные стены церкви. Они проходят через апсиду. Кругом сплошные руины, обугленные скамьи перевернуты. Алиса смотрит вверх и под сводами видит мозаичные картины, рассказывающие историю ушедших веков, далеких времен, след которых уже начал стираться. Чуть дальше она замечает потемневший лик Христа, чей взор словно устремлен на нее. Открывается дверь. Алиса входит во вторую апсиду. В центре огромное одинокое надгробие, облицованное плиткой. Они молча проходят мимо. Резкий запах тронутого огнем камня смешивается с ароматами тмина и чабреца. Алисе пока неведомы эти названия, но она узнаёт запахи, они ей знакомы. Эти травы в изобилии росли на пустыре за ее домом. Даже теперь, когда их ароматы смешались на ветру с другими запахами, она различает их.

Обугленная церковь теперь лишь воспоминание, спутница выводит ее за ограду, и они бегут уже по другой улице. У Алисы больше нет сил, ноги не слушаются, пальцы, державшие ее руку, разжимаются и отпускают ее. Она садится на мостовую. Женщина уходит не оборачиваясь.

Начинается сильный дождь, Алиса зовет на помощь, но шум дождя заглушает ее голос, и силуэт женщины вскоре исчезает из вида. Алиса стоит на коленях, одна, коченея от холода. У нее вырывается протяжный, словно предсмертный, вопль.

По стеклянной крыше барабанил град. Задыхаясь, Алиса приподнялась на кровати, пытаясь нащупать выключатель ночника. Когда зажегся свет, она обвела взглядом комнату, внимательно разглядывая знакомые предметы.

Потом со злости стукнула кулаками по кровати, досадуя на то, что вновь позволила завладеть собой кошмару, который мучил ее каждую ночь. Алиса встала, подошла к рабочему столу, открыла окно, выходившее во двор, и вдохнула полной грудью. В квартире Долдри горел свет, и незримое присутствие соседа ее успокоило. Завтра она сходит к Кэрол: пусть она ей что-нибудь посоветует. Должно же быть какое-то средство, чтобы она могла спать спокойно. Ночь без надуманных страхов, без бешеной беготни по незнакомым улицам, спокойная и тихая ночь – вот все, чего хотела Алиса.

Несколько дней Алиса провела за рабочим столом. Каждый вечер она тянула время и не ложилась спать, борясь со сном, пытаясь противостоять страху, который охватывал ее после захода солнца. Каждую ночь ей снился один и тот же кошмар, который заканчивался на мокрой от дождя улице, где она без сил сидела на мостовой.

В обед она навестила Кэрол.

Зайдя в приемный покой, она попросила сообщить подруге о том, что она ее ждет. Потом добрых полчаса она просидела в холле среди носилок, которые санитары выгружали из машин с воющими сиренами. Какая-то женщина умоляла позаботиться о ее ребенке. Между скамейками бродил старик, другие больные наблюдали за ним. Алисе улыбнулся молодой человек, бледный, с рассеченной бровью, с которой на щеку струйкой стекала кровь. Мужчина лет пятидесяти держался за бока, мучаясь от боли. Среди всего этого человеческого страдания Алису вдруг охватило чувство вины. Ее мучили ночные кошмары, но жизнь

подруги была не лучше. Появилась Кэрол, она везла каталку, колесики которой жалобно поскрипывали.

– Что ты тут делаешь? – спросила она, увидев Алису. – Болит что-нибудь?

– Просто зашла позвать тебя пообедать.

– Вот так приятный сюрприз! Сейчас отвезу его, – сказала Кэрол, указав на пациента, – и пойдём. Совсем обленились, могли бы предупредить, что ты здесь. Давно ждешь?

Кэрол передала каталку коллеге, сняла халат, взяла из шкафчика пальто и шарф и поспешила к подруге. Они с Алисой вышли на улицу.

– Пошли, тут на углу есть паб, получше других в этом районе, хотя тоже довольно скверный. Но по сравнению с нашей столовой это просто шикарный ресторан.

– А как же больные?

– Больные здесь всегда, каждый божий день, двадцать четыре часа в сутки. А раз бог дал мне желудок, приходится время от времени его наполнять, чтобы у меня были силы их лечить. Пошли обедать.

В пабе было полно народу. Кэрол кокетливо улыбнулась хозяину, и тот из-за стойки указал на столик в глубине зала. Девушки прошли мимо остальных посетителей.

– Ты с ним спишь? – спросила Алиса, усаживаясь.

– Прошлым летом я вылечила ему огромный фурункул в таком месте, которое не принято упоминать. С тех пор он мой покорный слуга, – со смехом ответила Кэрол.

– Никогда не думала, что жизнь у тебя такая...

– ...светская? – подсказала Кэрол.

– ...трудная, – закончила Алиса.

– Мне нравится то, чем я занимаюсь, хотя порой бывает и тяжело. В детстве я постоянно бинтовала кукол. Маме это очень не нравилось, но чем больше ее это огорчало, тем сильнее я чувствовала к этому призвание. Так что тебя ко мне привело? Вряд ли ты пришла в неотложку поискать запахи для своих духов.

– Я пришла пригласить тебя вместе пообедать. Разве нужна еще какая-нибудь причина?

– Знаешь, хорошая медсестра не только лечит телесные раны, она видит, когда в голове у больного что-то не то.

– Но я же не твой пациент.

– А было очень похоже, когда я увидела тебя в холле. Говори, что случилось.

– Ты посмотрела меню?

– Оставь в покое меню, – приказала Кэрол, отнимая у Алисы карту. – Я едва успеваю съесть дежурное блюдо.

Официант принес две тарелки рагу из баранины.

– Да, выглядит не совсем аппетитно, – заметила Кэрол, – но это очень вкусно, я тебе точно говорю.

Алиса отодвинула кусочки мяса от овощей, плававших в соусе.

– И все-таки, – проговорила Кэрол с набитым ртом, – возможно, к тебе вернется аппетит, если расскажешь, что тебя мучает.

Алиса ткнула вилкой в картошку и брезгливо поморщилась.

– Ладно, – продолжала Кэрол, – наверно, я высокомерная и упрямая, но, когда сядешь в трамвай, чтобы ехать обратно, почувствуешь себя душой, потому что

даже не попробовала это мерзкое рагу, тем более что сама за него заплатила. Говори, что стряслось, твое молчание меня бесит.

Алиса решилась рассказать про кошмар, мучивший ее по ночам, про это недомогание, отравлявшее ей жизнь.

Кэрол выслушала ее очень внимательно.

– Мне надо тебе кое-что рассказать, – сказала она. – В первый вечер, когда бомбили Лондон, я была на дежурстве. Раненые поступали постоянно, их было очень много, большинство с ожогами, многие приходили сами. Кое-кто из персонала сбежал и спрятался от бомбежки, но большинство остались. Я тоже осталась, но не из героизма, уверяю тебя, скорее из трусости. Я страшно боялась высунуть нос наружу и умирала от страха: а вдруг я погибну под огнем, если выйду на улицу? Через час поток раненых иссяк. Привезли всего нескольких человек. Дежурный врач, доктор по фамилии Тёрнер, красавец, шикарный мужик, глаза такие, что и монашка не устоит, собрал нас и сказал: «Если раненые больше не поступают, значит, они под завалами. Нам надо пойти и найти их». Мы смотрели на него разинув рты. Потом он добавил: «Я никого не принуждаю, но те, кому хватит мужества, возьмите носилки и давайте прочешем улицы. Снаружи гораздо больше тех, кому нужно спасти жизнь, чем в стенах этой больницы».

– И ты пошла? – спросила Алиса.

– Шаг за шагом я осторожно пятилась в смотровую, моля лишь о том, чтобы не встретиться глазами с доктором Тёрнером, чтобы он не видел, как я дезертирую, и мне это удалось. Я пряталась в раздевалке два часа. Не смейся, а то я уйду. Я закрыла глаза и скрючилась в шкафу, мне хотелось исчезнуть. И наконец я внушила себе, что я дома, у родителей, в Сент-Моусе, а все эти люди, которые кричат и стонут вокруг меня, всего лишь жуткие куклы, что я должна завтра же их выбросить и никогда не становиться медсестрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

«По морю прочь», «Миссис Дэллоуэй» – романы Вирджинии Вулф. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, – прим. перев.)

2

Абсолю – ароматическое эссенциальное масло высшей степени очистки.

3

Конкрет – эфирное вещество, экстрагированное растворителями из сырого растительного сырья (коры, листьев, корней, цветов и травы).

4

Резиноид – смолистый продукт, душистый экстракт смолы.

5

Эстер Уильямс (р. 1921) – американская пловчиха и актриса, звезда так называемых «водных мюзиклов». Фильм «Bathing Beauty» во французском прокате назывался «Бал русалок», а у нас – «Прекрасная купальщица».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mark-levi/strannoe-puteshestvie-mistera-doldri-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)